

Погружение

Автор:

[Лана Мейер](#)

Погружение

Лана Мейер

А что бы сделала ты, если бы однажды тебе приснился сон, неотличимый от яви? И какую цену придется заплатить Арии за соблазн...больше никогда не проснуться?

Ария: Острая потребность в деньгах заставила меня устроиться на работу в «Лабиринт» – секретную исследовательскую лабораторию, занимающуюся изучением снов.

Я думала, что нашла источник легкого заработка, ровно до того момента, пока не оказалась в роскошном кабинете влиятельного человека, с которым бы мы никогда не столкнулись на улице.

Дэймон Мерсер – третий в списке «Forbes», президент известной IT корпорации и один из самых завидных холостяков в стране. И этот беспристрастный миллиардер ведет себя со мной так, словно нас связывает невероятное прошлое, которое я не помню и обвиняет в страшном предательстве, которого я никогда не совершала.

Со встречи с Мерсером я живу две жизни, и каждый раз, когда закрываю глаза, просыпаюсь в одной из них. И уже не могу отличить, где настоящее, а где – лишь иллюзорная подделка. Чтобы понять которая жизнь реальна, мне придется столкнуться в неравном бою...не только с врагом в лице этого властного манипулятора, но и с самой собой.

Содержит нецензурную лексику и эротические сцены.

Лана Мейер

Погружение

Пролог

Мы никогда особо не помним начало сна, ведь так? Мы всегда оказываемся внутри того, что происходит.

«Начало»

Ария

Готова поспорить, с вами такого дерьма не случилось.

Ну, разве среди вас найдется такая же тотальная неудачница, как я, которой в один прекрасный день «посчастливилось» проснуться...фактически другим человеком?

Добавьте к этому свершившемуся факту полный набор «радостей»: частичную амнезию, удушающее состояние и тесноту в груди, превратившуюся в свинцовую клетку для незащитно сжимающегося сердца, расфокусировку зрения, ударной волной накрывший меня ужас, столкновение с полной неизвестностью, и, тогда вы почувствуете, каково мне было в тот самый момент, когда вся моя жизнь (точнее то, что я всегда считала своей жизнью) развалилась подобно деревянному домику, ставшему жертвой десятибалльного цунами. Разлетелась на щепки.

Моя жизнь превратилась в руины, разбилась на осколки, которые мне никогда не собрать воедино, хоть я и буду пытаться соединить их, склеить, состыковать обрывки реальности и остатки здравого разума до последнего вздоха...

Итак, однажды я проснулась...

Хотя нет, «проснуться» – это когда безмятежно потянувшись в своей постели, ты встаешь под пение птиц или звуки любимого трека. Бывает, я пробуждаюсь, ворча на городской шум, или жалуясь на раздражающее пыхтение мусоровоза, или на неприятную для моего уха болтовню соседей-китайцев, что заселили немалую часть нашей скромной улицы в самом сердце «Бронкса» – района несбывшихся надежд и разрушенных планов.

Либо я просыпаюсь под жизнерадостные голоса детей, спорящих в гостиной при просмотре очередного мультфильма, либо от размеренного пыхтения мужа, кто в свой единственный выходной предпочитает спать до обеда.

А сегодня я скорее «очнулась». Прямо на полу долбанного лифта, что сейчас, судя по отсчитывающему двадцать пятый этаж счетчику, несется вверх внутри черт знает какого небоскреба, о местонахождении которого я не имею ни малейшего понятия.

Я не помню, как здесь оказалась, и что довело меня до такой жизни, по какой причине мне приходится целовать пол этой тесной клетки, отчаянно пытаюсь встать, пока тело не слушает приказы мозга.

И тут я ловлю себя на странной мысли, что я в принципе ничего не помню о себе, кроме каких-то основных моментов, составляющих мою личность. Это как видеть картину в целом, но не замечать деталей, делающих её уникальной и неповторимой.

Нервно сглотнув, издаю тихий болезненный стон, вызванный разрывающей болью в заложенных ушах. Все звуки воспринимаю, как сквозь вату, отчего внутреннее напряжение нарастает с бешеной скоростью. Лифт молниеносно мчится вверх, несмотря на то, что мне кажется проходит целая вечность, пока я беспомощно барахтаюсь на полу. Все тело пробивает на мелкую дрожь, мешающую сосредоточиться на происходящем и приложить все усилия для того, чтобы вернуть свой разум и тело в привычное состояние покоя, а также здраво поразмыслить над тем, что же все-таки со мной произошло.

Испытываю ли я страх или, может, сводящий все мышцы ужас? Наверное, именно это должен чувствовать человек, внезапно попадающий в подобные условия...странно, но сейчас меня куда больше беспокоит не частичная потеря памяти, а то, что я заперта в этом проклятом бункере страха совсем одна.

Думаю, что после такого у меня обязательно начнется клаустрофобия.

А, что если лифт застрянет?

Что если трос сейчас оборвется, и я полечу вниз, прямо в шахту?

Подсознание подкидывает визуальные образы жутких картинок, от которых я пытаюсь убежать любыми путями, переводя свои мысли на рассеянные и неяркие воспоминания, те, что никак не удается собрать воедино.

Ах, если бы я знала, что примерно через пятнадцать минут столкнусь лицом к лицу с еще большей проблемой, чем этот дерьмовый эпизод с пробуждением в лифте, мое сердце не вырывалось бы сейчас из груди и не пыталось бы расколоть ребра, стуча в ритме отбойного молотка.

И, если бы я знала, что произойдет дальше, я бы не испытала такой сильный шок, когда мне наконец удалось увидеть себя в зеркальной стене лифта.

Но осознание этого придет только через несколько минут, когда я выйду из взлетающей тесной коробки и окажусь в его кабинете...

А пока я медленно встаю на ноги, хватаясь за гладкий поручень, и, прилагая едва ли не титанические усилия, поднимаю свое тело. Я бы хотела сказать, что причиной моего тяжелого подъема стал лишний вес, который я набрала после рождения двух детей...и, честно говоря, я всегда думала, что это так. До того, как мое зрение пришло в норму, и я долгим, оценивающим взглядом прошлась по своему отражению. Я начала с ног. С потрясающих длинных и стройных ног, обутых в изящные лодочки, о которых я могла в последние годы лишь мечтать, вздыхая у витрин роскошных магазинов на пятой авеню. Я уже видела такие на одной из моделей, улыбающейся с многочисленных рекламных щитов, установленных по всему Нью-Йорку. И даже нашла их в интернете чуть позже, на сайте «Manolo Blahnik». Помню, как открыла страничку онлайн-магазина, нервно покусала губы, закатала их обратно и убедилась в том, что они стоят в два раза больше, чем мы с Лиамом зарабатываем за один месяц.

Я не могу себе позволить такие туфли. Как они на мне появились, кто такой щедрый? Черт возьми, что с моей памятью? Я будто оказалась во сне, в котором слились воедино мои подсознательные страхи и поверхностные желания.

– Меня зовут Ария, и мне тридцать дв... – мне не суждено договорить фразу «тридцать два», потому что я, наконец, встречаюсь взглядом со своим отражением. Легкие мгновенно пустеют, я забываю, каково это, дышать и собирать буквы в слова, а слова в предложения. Лихорадочными рывками ощупываю свое гладкое, юное, свежее лицо кончиками пальцев, не в силах поверить в то, что вижу.

Задыхаясь от шокового удара и нарушающего скоростные лимиты в груди пульса, я жадно оглядываю свою точеную спортивную фигуру, закованную в черную узкую юбку и белую, наглухо закрытую рубашку из нежной ткани, слегка обтягивающую полную грудь, которая выглядит сейчас так, будто я и не слышала никогда о грудном вскармливании. Словно и не было ночных зажоров и марафонских бегов к холодильнику, заедания стресса, чувства одиночества и ощущения полной нереализации в жизни. Из зеркала, растерянно улыбаясь, на меня смотрит та самая юная Ария, которой я была много лет назад...кажется, целую жизнь, целую вечность назад. Кажется, что ее вовсе не было, этой счастливой Арией, уверенной в том, что у нее впереди целая жизнь, где каждый день имеет значение и ведет её к мечте.

Что это, черт возьми? Злая шутка? Игры разума? Сон моей мечты? Определенно. Мне снится, что я снова совсем юная и красивая...мне это снится.

Если это правда, то несмотря на то, что содержимое моего желудка вот-вот окажется на вылизанном до блеска полу, это чертовски приятный сон. Или же у меня есть какое-то серьезное психическое заболевание, когда я вижу все так, каким оно не является на самом деле.

Ваши варианты? Не знаете? Психическое расстройство, безумие, шизофрения? Вот и я не знаю, остается лишь ждать, когда эта коробка наконец остановится.

Моя жизнь изменится через пятнадцать минут. Перевернется на сто восемьдесят градусов. И я еще не знаю об этом...чувствует лишь мое сердце, словно интуитивно знает ответы на все мои вопросы и от этого бьется вскачь, с перебоями. Оно всегда тонко ощущает...его присутствие.

Чтобы хоть что-то понять о том, как я здесь оказалась, лихорадочно дрожащими пальцами открываю не менее брендовую и дорогую, чем туфли сумочку и сразу нахожу в ней кожаный ежедневник, разворачиваю на странице с закладкой.

Первое, что вижу – удостоверение редактора журнала «Forbes» на имя Аманда Мур. Я уже почти не удивляюсь, когда понимаю, что некая Аманда Мур является моим клоном...черт, черт, черт. Голова раскалывается от происходящего. Беглым взглядом скольжу по списку вопросов, которые мне предстоит задать какой-то «большой шишке». Судя по всему, мужчине, кто вошел в тройку самых влиятельных и богатых владельцев бизнеса в Нью-Йорке. А нет, не совсем...его компания имеет десять офисов, расположенных в самых развивающихся городах мира и по приросту маржинальной прибыли, уже обогнала такого IT-гиганта, как Google.

Боже, куда я попала? Как это остановить? Или...я не хочу это останавливать, не хочу просыпаться? Пожалуй, стоит досмотреть этот «безумный» сон, иначе я буду полной дурой.

Наконец, с характерным звонком лифт останавливается на пятьдесят пятом этаже; автоматические двери разъезжаются в стороны, открывая мне обзор на залитое дневным светом огромное офисное пространство. Делаю пару шагов вперед, едва не подворачивая щиколотку, пошатываясь на высоченных лодочках, какие не носила со времен колледжа. Как же давно это было.

Я, вообще, очень давно не выходила из дома в таком виде. С появлением в жизни любимого мужа, кто, к моему большому сожалению, является типичным домоседом, я и сама превратилась в домохозяйку, и мне ни на что не хватает времени, кроме как на работу, воспитание детей и создание уюта в нашем скромном доме, за который мы не расплатимся ближайšie тридцать лет. У нас была не очень хорошая кредитная история, поэтому взять ипотеку под выгодный процент не вышло. К тому же, нет лишних средств на то, чтобы «выходить в свет». Все заработанные деньги я вкладываю в образование детей, чтобы им не пришлось всю жизнь сводить концы с концами.

– Мисс Мур? Аманда Мур? Добрый день, меня зовут Клэр Уайт, – из печальных мыслей меня вырывает мелодичный голос молодой девушки, что спешит поприветствовать меня натянутой доброжелательной улыбкой и сверканием своих отбеленных до неестественного цвета идеальных зубов. Они могут многое рассказать о том, сколько зарабатывает секретарь в данной компании, и, судя по логотипу, размещенному на стене за стойкой ресепшен, она называется «IT MAZE»[1 - С англ. Maze – лабиринт.]. Переводя взгляд со стеклянных, панорамных стен офисного пространства, в котором дышится легче, чем в лесу после дождя, я обращаю свое внимание на приветливую блондинку, облаченную

в классического кроя синюю юбку и блейзер с широкими плечами. Дополняет образ секретарши или ассистентки президента компании утонченный шарфик на шее, что делает ее похожей на сексуальную стюардессу, чей голос и улыбка должны служить лучшим успокоительным для пассажиров, или...для «папочки», на которого она работает.

К слову, моя фамилия не «Мур». Более того, я уже давно не «мисс», а «миссис», но внутреннее чутье заставляет меня скрыть эти факты из своей биографии.

– Добрый день, Кларисса, – на удивление ровным тоном отвечаю я. – Простите, а... – мне хочется поинтересоваться, какого черта я тут забыла, но ледяной взгляд Клариссы, заставляет меня напрячься и слегка вжать голову в плечи, когда я ощущаю на себе ее оценивающий меня, словно одну из своих конкуренток, взор. Карие глаза девушки испепеляют меня прямо на месте, но это не мешает ей улыбаться так широко, что наверняка скулы сводит.

Давно на меня так не смотрели девушки. С ревностью, завистью, с восхищением...и это, черт возьми, приятно, вновь ощутить себя «конкурентоспособной», если вы, конечно, понимаете, о чем я.

– У мистера Мерсера очень мало времени, – сердце реагирует на эту фамилию мгновенно, фигурально подскакивая до горла, и, улетаая вниз, до самых пят. Она кажется мне смутно знакомой, но вспоминать обстоятельства, при которых я ее услышала, все равно что вспоминать мелкие детали сна, через час, после пробуждения. – Вы должны пройти в кабинет мистера Мерсера прямо сейчас, иначе он вас не примет, мисс Мур. И помните, что интервью должно длиться не более тридцати минут. У мистера Мерсера на счету каждая секунда. Думаю, вы и сами понимаете, как выглядит расписание такого мужчины, – с елейной улыбкой произносит Кларисса, смакуя своими переколотыми гиллауронкой губами слово «мужчина» так, будто готова съесть этого самого мужчину прямо сейчас. Она определенно спит со своим боссом. Или мечтает с ним спать. Должно быть, он не старый импотент, каким я себе его представила.

– Эм, разумеется, – вскинув одну бровь, небрежно бросаю я, поправляя ремешок своей «новой» сумки, съехавшей с плеча. Высокомерно-дружелюбный взгляд Клариссы останавливается на моих туфлях, и именно в эту секунду я понимаю, что есть-таки сходство между мной и этой Амандой Мур: мы обе не умеем дружить с другими женщинами.

Интерьер просторного офиса так и пышет неброской ненавязчивой роскошью с налетом скандинавского минимализма. И все же, от моего взора не скрылись ноутбуки и другая техника от «Apple» последней модели, на которых работают все, без исключения, сотрудники. Не удивлюсь, если корпоративный MacBook здесь выдают и уборщикам – настолько поражают масштабы идеального офиса. Пока Кларисса провожает меня по лабиринту стеклянных коридоров, я наблюдаю за сосредоточенными лицами сотрудников, устремленных в экраны мониторов.

Итак, оценим «дерьмовую» ситуацию, посмотрим на нее со стороны.

Я очнулась в лифте, такой, какой была много лет назад и должна взять интервью у молодого президента компании, которая называется «IT Maze». Попахивает пилотной серией для мыльной фантастической оперы на Netflix. Хотя, если посмотреть под другим углом: кто бы отказался от подобного приключения? Разве, вы бы не хотели пощекотать свои заледеневшие от отсутствия ярких эмоций нервишки, которые вынуждены ежедневно «перемалывать» одну и ту же рутину?

Вы бы отказались, если однажды по пути в колледж или на работу, или домой с вами бы произошло что-то необыкновенное и впоследствии приятное? Если бы знали, что случится то, что в корне изменит размеренный ход вашей жизни, где нет места развитию и росту?

Вам повезло, если у вас есть и то, и другое. Но я давно застряла в рутине, словно белка в колесе, вынужденная лишь беспомощно перебирать своими лапками в одном ритме. В конце концов, я заслуживаю носить такие туфли, и мне чертовски не хочется вновь увидеть себя заплывшей лишними килограммами неухоженной дамочкой, какой я стала, даже если это всего лишь обман моего зрения, и я просто немного двинулась и нуждаюсь в серьезной психотерапии.

По необъяснимой мне причине, сегодня я проснулась лучшей версией себя, и я хочу посмотреть, в чей же кабинет меня приведет эта «версия».

Если вы бы тоже последовали за Клариссой в сторону кабинета мистера Мерсера так, как это сделала я, то нам с вами явно по пути. Если нет – можете смело закрывать мой роман-исповедь, основанный на реальных событиях. Назад дороги нет, и что-то внутри меня кричит о том, что я только что заключила

сделку с дьяволом, подписав наш «контракт» кровью. Кларисса открывает мне дверь в просторный кабинет, и он больше напоминает пентхаус в стиле «лофт» с панорамным видом на город: разделенное на зоны пространство, в эпицентре которого стоит рабочий стол, а по бокам расположены застекленная спальня и кухня со всем необходимым. Да уж, хозяин этого кабинета явно живет на работе.

Мне безумно интересно, как выглядит загадочный создатель холдинга «IT Maze», и за секунду до того, как я нахожу его широкоплечую фигуру плывущим вдоль панорамных окон взглядом, низкий голос, принадлежащий хозяину кабинета, произносит:

– Вы опоздали на пятнадцать секунд, – «чертов педант» – мысленно ругаюсь я, с тяжелым вздохом возводя глаза к потолку. – Располагайтесь, мисс Мур, – мистер Мерсер, что стоит в другом конце кабинета убирает руки из карманов брюк, расправляет плечи и поворачивается корпусом ко мне. Пока я не вижу его лица, но почти уверена, что он еще моложе, чем я предполагала. Возможно, этот загадочный CEO (Chief Executive Officer (аббрев. CEO, – директор, высшая управленческая должность...)) примерно моего возраста.

– Мне тоже приятно познакомиться, мистер Мерсер, – внезапная простреливающая боль безжалостно бьет меня по вискам, и, обхватив голову ледяными от волнения ладонями, я стараюсь не закричать и не согнуться по полам от разрывающего на куски агонизирующего чувства. Боже, голова начинает раскалываться так, словно меня током по нервам ударили. Опуская взгляд, я крепче сжимаю виски и, закусив отчаянно губы, стараюсь не расплакаться в столь ответственный момент.

– С вами все в порядке? – непоколебимым, лишенным всякого сочувствия голосом, небрежно интересуется мистер Мерсер. Лучше бы он молчал.

– Да. Воды, если можно... – тихо прошу я, присаживаясь на ближайший диван, мгновенно утопая в мягком сидении из натуральной кожи тотально черного цвета. Вновь разворачиваясь спиной ко мне, мистер Мерсер медленными, но какими-то идеально выверенными движениями, наливает воду из графина в стакан вопреки моему ожиданию, что ради этого маневра он вызовет Клариссу. На миг, я побеждаю свою нарастающую мигрень и ловлю себя на мысли, что слишком пристально рассматриваю этого мужчину. Слишком, особенно для замужней женщины.

Скользящим взором оцениваю его торс, на котором черная рубашка сидит, словно влитая и обтягивает спортивный рельеф его тела. Он высокий и мощный, что несомненно является моей слабостью. Плечи широкие, ровные, осанка аристократа. Черт, я и забыла, как это сексуально – мужская рубашка и аромат кожи, витающий в воздухе, переплетающийся с терпкими, но свежими нотками его парфюма, в котором преобладают древесные и мускусные оттенки, задевающие струны чувственности в моей душе, натягивая их до предела.

Мой муж не носит рубашки, а парфюм, который я подарила ему на день рождения разбил во время очередной ссоры...а жаль. Наверное, Лиаму тоже жаль, что я не ношу каблуки и такие короткие юбки.

– Хочу напомнить вам о времени, мисс Мур, – Мерсер поворачивается ко мне и вальяжной, хищной походкой направляется в мою сторону, приближаясь ко мне все ближе и ближе... в тот момент, когда наши взгляды встречаются в немой борьбе, я больше не ощущаю пульсирующей и нарастающей в висках боли. Ток, парализующий каждую клеточку моего тела, служит своего рода полной анестезией.

На какую-то долю секунды все теряет значение. Остаются только черты его лица: прямоугольный овал лица с заостренным волевым подбородком, аристократически-высокие скулы. Я с каким-то благовейным трепетом замечаю двухдневную щетину, привлекающую внимание к прямым, но соблазнительным мужским губам. Мистер Мерсер кажется мне до боли знакомым, настолько знакомым, что аж сердце в груди, будто превратившись в крошечную колибри, переходит с бега на безжалостное трепыхание в клетке из ребер.

К моменту, когда мы смотрим друг другу глаза в глаза, я начинаю ощущать, как мир вокруг меня вращается цветным калейдоскопом событий, закручивается в мощный вихрь, безжалостную спираль, что норовит переломать мне все косточки.

Его взгляд из-под нахмуренных бровей своего рода «контрольный выстрел».

Я, черт возьми, обезоружена под прицелом его каре-зеленых глаз, в которых отражается столько всего, и сразу ничего одновременно. Я никогда прежде не видела такого наполненного, но ледяного взгляда, толщу которого невозможно пробить, раскусить, прочесть. Этот мужчина – гранитный камень, и на это

невозможно закрыть глаза, не заметить в момент первой встречи. Первой ли? Не важно...на некоторые вещи можно смотреть вечно, например, на поражающее до глубины души явление природы. Так же долго я смотрела на Ниагарский водопад, наотмашь сбивающий своей мощью, когда впервые его увидела. Только теперь у меня такое чувство, что я стою где-то прямо под ним, пусть это и немного преувеличенно, потому что я не знаю, каково это стоять под Ниагарским водопадом. Думаю, никто из живых людей не знает.

«Я знакома с этим мужчиной?» – снова нашептывают глубины подсознания. Я знаю его...

– И о том, что у меня его нет, – то ли от боли, то ли от того, что безропотно попадаю в плен его мощной энергетике, уверенности в себе и непоколебимой нацеленности на результат во всем, что он делает, я фактически не слышу его голос, читая слова Мерсера по движениям очерченных губ, чертовски полных для мужских. Мне бы хотелось сказать, что его внешность максимально блика к образу «старого импотента», но язык не поворачивается, потому как мистер Мерсер воплощает в себе слияние тех двух элементов, на которые мы, девушки, «залипаем» с первого взгляда: мужественные черты лица, приправленные строгим и сосредоточенным взглядом, сумасшедшая энергетика и харизма, сила, источаемая его натренированным телом, вибрирующая в воздухе, мелкими колючими проникающими мне под кожу. Я чувствую их, ощущаю, как ток бежит по венам, даруя эмоции, какие давно не испытывала. И связаны они не с тем, что «старый импотент», кого я ожидала увидеть, оказался самым сексуальным мужчиной, из тех, что я встречала за последнее время, а с тем, что на секунду мне кажется, мистер Мерсер смотрит на меня так, будто мы уже знакомы.

Но лишь на мгновение.

Мужчина ставит передо мной стакан воды, бросая кроткий снисходительный взгляд на то, как я нервно перебираю пальчиками странички своего блокнота. Черт, он как открытую книгу меня читает, и об этом сейчас очень ясно рассказали его глаза, в которых затеяли бой надменные бесы, полные холодного отстранённого превосходства.

Поймите меня правильно. Он не смотрит на меня, как на грязь на своей обуви, он смотрит на меня, как инопланетяне, если они существуют, смотрели на неандертальцев, прилетая на землю. Его взгляд колкий, жалящий, снисходительный...но не пустой, просто наглухо закрытый. Глубокий, как

чертова Марианская впадина, на дно которой я медленно опускаюсь прямо сейчас и тону...с болезненным удовольствием.

Наконец, я залпом выпиваю стакан воды, с удовлетворением замечая, что головная боль резко отпустила мои измученные сегодняшними дерьмовыми событиями извилины.

– Разве вы не хотите украшать обложку журнала «Forbes»? Я не из какой-то желтой газетки пришла... – решительно начинаю я, стараясь не выдавать своих ощущений, которые испытываю, когда Мерсер медленно опускается на кресло напротив меня, принимая максимально расслабленную позу. Он поправляет часы на своем запястье; неброские, строгие, классические, но статусные, от того делающие его образ еще более привлекательным.

– Мне не важно, буду ли я...как вы выразились, «украшать» первую страницу «Форбс», – раздвинув губы в короткой усмешке, сухо выдает Мерсер. – Я согласился, только потому что отменилась важная встреча, а я не люблю, когда в расписании появляется «свободное окно». Поэтому давайте приступим к делу, мисс Мур, – он вновь кидает едва заметный взгляд на часы и, как мне кажется, только ради того, чтобы опустить глаза ниже и обжечь ими мои колени, открытые задравшейся юбкой.

Каждую клеточку моего тела пронизывает тягучий жар, запущенный его хорошо скрываемым интересом, направленным в мою сторону.

Черт возьми у меня амнезия, я вроде как, должна переживать, злиться, бояться, чувствовать себя растерянной. Вместо этого я разглядываю его тело, неосознанно восхищаясь каждым движением этого мужчины, создавшего целую империю, и слишком часто смотрю на его манящие, притягательные губы. Его рот слегка приоткрыт, что свидетельствует о том, что он несколько не напряжен в отличие от меня или умело это скрывает.

– Да, конечно, давайте начнем, – робко улыбаюсь я, нервно ерзая на мягком диване. Включаю диктофон, поймав на себе подозрительный взор Мерсера. Ярость и ненависть, которую он испытывает ко мне, отчетливо вспыхивает в его темных глазах, и я совершенно не понимаю, с чем связаны подобные эмоции. Мы не знакомы, или он ненавидит всех журналистов?

Опускаю взгляд на первый вопрос и, не прочитав про себя, тут же выдаю его вслух.

– Скажите пожалуйста, каково это управлять самой крупной IT-компанией в мире? Тяжело ли держать всю мировую сеть в «железном кулаке»?

– Кто владеет информацией, тот владеет миром, – ровным голосом отвечает Деймон, прищуривая веки, и, обращая взгляд прямо на меня. – Это не тяжело, когда ты четко следуешь своим целям, планам и приоритетам в жизни. Мои цели лежат в сфере развития технологий, разработки программы кибер-безопасности и, разумеется, создания еще большего трафика для рекламных кампаний. Совсем скоро пройдет презентация проекта, над которым я и моя команда работали долгое время, но его анонс я пока оставляю в тайне. Также одной из моих миссий является создание рабочих мест и поддержание статуса «лучшей компанией для трудоустройства». В «IT Maze» работает полмиллиона человек по всему миру, текучка кадров стремится к нулю. Несмотря на строгость и требовательность к своим сотрудникам, я, как работодатель стремлюсь предоставить им лучшие условия для труда и самую достойную заработную плату.

– Вы этим гордитесь? – не знаю зачем у него это спрашиваю, такого вопроса нет в списке. Должно быть, хочу проверить, насколько тщеславен этот засранец.

– Следующий вопрос, – отрезает Мерсер, и я опускаю взор на блокнот, после чего задаю вопросы по списку, касающиеся развития холдинга. Если честно, в этом я мало что понимаю, поэтому и не особо анализирую то, что он говорит. Кажется, я нахожусь в состоянии некой медитации...медитации на его губы? Позорище, Ария. Ты сумасшедшая. И ты замужем.

– Поговорим о личной жизни, – слегка дрогнувшим голосом выдаю я, переходя с рабочих вопросов на более откровенные. – Вы считаетесь одним из самых завидных холостяков в штате Нью-Йорк. Ваше сердце свободно? Ходят слухи, вы состоите в сложных отношениях с актрисой Кайли Росс.

– Нет. Сколько себя помню, оно всегда было занято. Именно это вы напишите в интервью и сотрете вопрос о Кайли. Он лишний, – отвечая на мой вопрос, мистер Мерсер окидывает меня раздевающим взглядом, порождая табун мурашек по затылку. Я не понимаю, что это за провокация? – И я не распространяюсь о

личной жизни, мисс Мур, – дополняет он, останавливая взгляд на моем лице.

Облизываю пересохшие губы, ощущая, будто что-то идет не так. Мне даже приходится встать с дивана, чтобы ощутить себя увереннее и продолжить интервью. Мерсер повторяет мое действие, удивленно вскидывая брови. Мы оба замираем у панорамного окна в трех метрах друг от друга.

– Простите, мы встречались раньше? – вдруг задает вопрос Мерсер, разглядывая мои черты лица с такой тщательностью, что они начинают «гореть» через секунду. – Скажем, лет шесть назад? – мужчина спрашивает так, будто знает ответ.

Я бы хотела задать ему вслух тот же вопрос. Но, учитывая обстоятельства при которых здесь оказалась, я ни в чем не могу быть уверена, и, судя по внутренним ощущениям, даже в том, что все это происходит на самом деле. Предполагаю, что могла видеть Дэймона Мерсера на рекламных билбордах или по телевизору. У него уже наверняка не раз брали интервью крупные новостные каналы. А вот где мог видеть меня мужчина такого уровня?

Загадка, которую хочется разгадать до безумия. Я давно не испытывала такого эмоционального подъема вперемешку с легкой и приятной эйфорией, контрастирующей с долей адреналина, пускающего новые заряды электричества по моим венам.

Так странно...ведь, если это сон, то почему я давно не ощущала себя такой живой?

– Вы всегда отворачиваетесь спиной, когда у вас берут интервью? – позволяю себе нетактичную колкость, прослеживая за тем, как Мерсер вновь разворачивается лицом к панорамным окнам.

– Только, когда его берет такая же хорошенькая журналистка, вроде вас. Удивительно, как смело вы пялитесь на меня, Аманда. Журналистки до вас не позволяли себе подобного. Неужели не боитесь меня? Не боитесь мужчину, в чьей репутации есть «темные пятна» или, готовясь к интервью, вы не стали совать свой очаровательный носик в прошлое своего «объекта»? Вы не особо любопытны для журналистки, – черт, в его словах я слышу прямо-таки откровенный намек на то, что он знает обо мне сейчас, куда больше, чем я сама.

В горле пересыхает так, что каждый набор воздуха в легкие кажется глотком сухого песка, раздирающим горло. Ладони потеют, скользя по обложке рабочего блокнота.

– Вы говорите о том дне, когда ваша еще молодая и не укрепившаяся на рынке компания, развалилась? Шесть лет назад, не так ли? Расскажите подробнее, как это случилось? Зачем мне готовиться к интервью, если я хочу услышать настоящую правду о той неприятной истории, чтобы узнать, как всё-таки удалось «возродиться из пепла» и в настоящее время стать самым крупным игроком IT-бизнеса? Каково это взлететь, оттолкнувшись от самого дна? – пожалуйста, продемонстрирую вам свое любопытство. Еще задолго до того, как Мерсер отвечает на мой прямой вопрос «в лоб», я замечаю реакцию его мышц на лопатках и спине. Черная обтягивающая рубашка позволяет мне наблюдать все истинные ответы его тела.

Ненависть, обжигающая нутро своей энергетикой.

Агрессия, источаемая в пространстве между нами, внезапно завибрировавшая от напряжения.

Отчаянье, боль, ревность. На мгновение, я увидела целую гамму чувств, которые он может умело скрывать за каменной маской, и я никогда не испытывала более захватывающего трепета в груди, чем сейчас.

Хотела бы я узнать его тайну. Я люблю тайны. Я же писатель, пусть и несостоявшийся.

– Ты надо мной издеваешься, Ария?! – вдруг рявкает Деймон, разрезая повисшую между нами тишину, низким и звонким гласом, словно ударом хлыста. Я мгновенно покрываюсь испариной, ощущая, как шелковая блузка липнет к взмокшему телу. Он назвал мое настоящее имя...невероятно.

Он знает меня.

А я уверена, что знаю его...но не помню, не помню. Кто он, и, что нас связывает? Господи, я хочу знать! Прямо сейчас.

– Так значит, мы все-таки знакомы? – робко интересуюсь я, нервно облизывая губы, и тянусь к безымянному пальцу, на котором обычно нахожу обручальное кольцо. Но его там нет. Я никогда не снимаю его. – Но вы ошиблись, меня зовут Аманда Мур. Журналист «Forbes», так написано на моей пресс-карте... – само собой вырывается из губ, но закончить фразу я просто не успеваю.

– Хочешь, чтобы я поверил в этот разыгранный тобой спектакль, крошка? Сразу говори, какого хрена пришла, вырядившись в журналистку. Могла бы позвонить, Ария. Я бы не отказал во встрече. Испугалась, что вместо меня на свидание явился бы киллер? Думаешь, у меня есть время, чтобы вынашивать план мести или убийства легкомысленной шлюхи из своего прошлого? – он резко разворачивается, устремляя на меня парализующий взгляд, растянув губы в обманчиво-ласковой полуулыбке. Я не успеваю и до трех сосчитать, как Мерсер в два шага преодолевает расстояние между нами, а моя шея оказывается в плотном захвате его ладони. Большой палец этого ненормального, возомнившего себя Повелителем Мира, намерено давит на чувствительные и жизненно важные точки, но позволяет мне дышать...пока позволяет.

Стараясь не выдавать того, насколько сильно напугана и обескуражена таким развитием событий, бросаю на него смелый взгляд, пытаюсь противостоять мистеру Мерсеру, но у меня выходит дерьмово, я просто не в силах долго смотреть в его потемневшие глаза, затягивающие в свой смертоносный омут, который обещает мне кучу проблем на голову и пятую точку. Черт возьми, я совсем забыла про руки, и про то, что могу вырваться или даже ударить его. На несколько мгновений я просто оцепенела, пытаюсь переварить тот факт, что он назвал мое настоящее имя. И он определенно очень хорошо меня знает. Я тоже чувствую, что знаю мистера Мерсера и, кажется, намного ближе, чем себе, представляю, но вспомнить, что нас связывает – не могу.

Отойдя от первой шоковой волны, я поднимаю руку, которую он тут же ловит за запястье, приостанавливая мою попытку всыпать мужчине, позволяющим себе подобное отношение, пощечину. С губы срываются тихие возмущенные стоны, когда я пытаюсь вырваться и со всей дури заезжаю мистеру Мерсеру локтем по груди. Мужчина почти не реагирует, а вот мой локоть начинает беспощадно ныть, пока я пытаюсь удержать в себе слезы и истеричный визг, с криками: «на помощь!».

Боже, этот человек только что недвусмысленно угрожал мне. И при желании, он может задушить меня или перерезать вены швейцарским ножом, что

поблескивает на его рабочем столе. Он может сделать со мной все, что захочется; я никогда прежде не ощущала себя настолько уязвимой, открытой, подавленной волей другого человека. Может, он сейчас толкнет меня к окну, пробьет стекло моим телом и скинет с жуткой высоты? Но вместо этого Деймон действительно прижимает меня к стеклянной поверхности, только плавно, аккуратно, почти ласково, позаботившись о том, чтобы я не ударилась. Кто он черт возьми такой? И почему мое сердце трепещет не только от страха, но и от немого восторга, вызванного близостью с ним? словно он мне родной человек, будто связывает нас...целая жизнь.

– Для кого это представление? Это твое эпичное возвращение, Ариадна? Ты же любишь неожиданные сюжетные повороты...мне лучше всех об этом известно, – яростно шипит у моего лица Мерсер, заставляя меня сжаться под прицелом его взгляда и жадно вдыхать каждый раз, когда он ослабляет хватку на моем горле, контролируя дыхание. – На кого ты работаешь шпионом, дрянь? На своего мужа-ублюдка, да? – продолжает выстреливать непонятными вопросами в меня Мерсер, доводя мой замученный потоком новой информацией мозг до кипения. – Потрясающе. Все эти годы ты была мертва для меня, Ария. Я вычеркнул тебя из своей жизни, после того, как ты все разрушила. Потребовалось много сил и времени, чтобы вновь взойти на вершину. И если ты хотя бы пальцем на неё ступишь, я столкну тебя в бездну и даже глазам не моргну. Столько лет...шесть долгих лет, – бросает отчаянным шепотом, встряхивая мою шею в своем кулаке. – Лучше бы ты не возвращалась, детка, потому что я испытываю дикое желание убить тебя прямо сейчас, – в его последних словах звенит боль, нещадно бьющая в самое сердце, когда он сталкивает нас лбами. Его губы чертовски близко, мятное и теплое дыхание опалает мое лицо...я чувствую страх, любопытство, отчаянье и еще миллион чувств сразу, вновь теряя способность к сопротивлению.

– Я не понимаю, я ничего не знаю, я не помню даже, как тут оказалась...кто ты и откуда знаешь мое имя? – тихо щебечу я, пытаюсь добиться от него мучающих меня с самого «пробуждения» ответов на вопросы.

– Трави эту чушь кому-нибудь другому, Ри. Скажи мне, зачем ты пришла? Зачем вернулась? Из какой дыры ты, мать твою, вылезла?! Стало мало своей идеальной, красивой жизни? Решила добавить «специй» в скучную рутину? Творческой личности не хватает эмоций, и ты снова решила из меня все высосать? Так не вопрос, Ри. Я могу это устроить. Сосешь ты, как первоклассная шлюха, могла бы заявиться сюда в таком ампула, но запарилась и выбрала образ

журналистки. Оригинально. Я оценил. Снова хочешь сделать это со мной, Ария? – боже, о чем же он говорит? Я не понимаю...лишь пребываю в шоке от того, сколько любви и какой-то нездоровой одержимости, источаемой прямо в меня ядом проникающей под кожу, заражающей и позволяющей прочувствовать все, что ощущает он. Чистой воды эмпатия. Никогда я не чувствовала себя с абсолютно незнакомым мне человеком единым целым. Даже с мужем, с кем прожила вместе много лет.

– Что сделать, Мерсер? Я просто журналистка, я пришла взять у вас интервью! Вы ведете себя неадекватно, если вы немедленно не отпустите меня прямо сейчас, я подам на вас заявление за оскорбления и нападение! Меня не Ария зовут, я Аманда Му... – сама не веря своим словам, пытаюсь доказать я, вызывая у мистера Мерсера лишь кривую усмешку.

– Ложь! – обрывает меня Мерсер. – Но я поверю, поверю тебе, детка. Я много раз верил твоим глазам, даже не представляя на какую ложь и какое предательство они способны. Черт возьми ты действительно не помнишь или хорошо играешь. А, может, сейчас я разговариваю с твоим двойником, сестрой-близняшкой или клоном той продажной суки, в которую я имел глупость когда-то...бл*дь, не важно. Не важно, кто ты. Ты выглядишь, как она. Есть легкий способ проверить. Моя метка. Она всё еще на тебе, детка? – легкие пустеют одновременно с его резкими движениями. Рывком он дергает мою блузку в стороны, жемчужные пуговицы разлетаются по всему кабинету, ударяясь о пол. Боже...что за...что он делает, нет.

– Нет! Что вы делаете... – пытаюсь упереться кулаками в его грудь, но безумец обхватывает мою талию, разворачивает спиной к себе и лицом к зеркалу, установленному на одной из стеклянных стен, за которой располагается одна из зон отдыха. Наши разъярённые, затуманенные адреналином взгляды встречаются в плывущем отражении. Мерсер жадно стискивает мои груди, сжимает затвердевшие соски, больно и приятно соприкасающиеся с кружевной тканью бюстгалтера и кожей его горячих пальцев. Немой крик вырывается из горла, коленки подкашиваются...снова смотрю на наши обезумевшие лица. Мой взгляд затянута страхом, его – горит похотью. Убийственное сочетание, возбуждающее во мне те чувства, о которых я давно забыла.

Искусные пальцы Деймона опускаются ниже и касаются моих ребер с левой стороны, обращая мое внимание на татуировку, выбитую прямо под сердцем. Теперь я понимаю, зачем он расстегнул мою блузку, и не только ради того,

чтобы сесть в тюрьму за сексуальное домогательство.

– А это что, Ариадна? Что это? – проводит ладонью по красивой вязи, набитой на ребрах и останавливает ладонь на моем животе, опуская ее ниже и ниже, одновременно прижимая мои ягодицы к своему каменному члену. – Ты даже не додумалась свести это.

Мне приходится приложить немало усилий, чтобы наконец разглядеть то, что выбито на моих ребрах.

«Carpe diem.» (ка?рпэ ди?эм, с лат. – «лови день») – крылатое латинское выражение, означающее «живи настоящим»)

А вот это уже никакой логике не поддается. Я все понимаю, но как я могла не знать о наличии у себя такой татуировки?! Это уже выходит за всякие рамки.

– Господи, ты так пахнешь, детка...я скучал по тебе, так скучал, – вдруг срывается на шепот этот негиббемый мужчина, кто еще пять минут назад казался мне непробиваемой скалой, не способной на чувства и эмоции. – Сука, как я скучал. Как я тебя ненавидел, проклинал, убивал в своих мыслях и снах тысячи, миллионы долбанных раз. И подыхал без тебя. Вспоминая то, что ты сделала. Натворила. Думал, что рано или поздно не выдержу и доберусь до тебя, доберусь и убью. Ты дотла меня испепелила, девочка. Я мечтал увидеть мольбу о пощаде в твоих глазах...отчаянье, страх. А сейчас держу тебя в своих руках, и ничего, бля*ь, не нужно больше...как ты это делаешь, детка? Как ты могла так поступить с нами? Как можешь сейчас смотреть на меня так, словно не понимаешь, о чем идет речь? – меня никогда не трясло так сильно. Никогда мое сердце не сжималось от постоянно одолевающих и противоречивых эмоций, наполняющих меня до краев. Я млела и таяла от его слов, и я не понимала ничего, совершенно. Просто слушала и немного завидовала той самой женщине, которую так сильно любил или ненавидел этот мужчина. Преданный ею мужчина, очевидно. Но это не я была, не я...что-то не так пошло, запуталось. Странно все это, и всему этому должно быть логичное объяснение.

– Мистер Мерсер, вы не понимаете... – пытаюсь вразумить, ощущая его дыхание на мочке уха.

– По имени меня назови, малышка. Как ты говорила всегда: Дэйм, Дэйм, Дэйм...тысячу лет никто не называл меня так, Ария. Дура ты, если хочешь притвориться той, кто ничего не помнит. «Нас» невозможно забыть. Как и невозможно забыть, как ты прыгала на члене моего брата в день нашей свадьбы, – от его слов я цепенею, не в силах поверить, что я могла так поступить. Я не способна на измену, ни во сне, ни наяву. Даже если допустить мысль, что где-то в параллельной вселенной я действительно была вместе с этим восхитительным мужчиной.

– Я даже не знаю, кто ваш брат! Я замужем сейчас, понимаете? Не трогайте меня, умоляю...вы меня с кем-то спутали.

– Замужем? – Дэймон обхватывает мои скулы. – Да хоть три мужа. Ты моя, Ария. Была и будешь. Я твой сон, а ты мое спасение, детка, и не существуют для нас клятвы сильнее. Помнишь?

– Отпустите меня! – мой вскрик затихает мгновенно, обрывается его мощным, раскрывающими мои губы и терзающими мой рот, горячим поцелуем, заражающий вены бешеной страстью, граничащей с животной похотью, одержимостью, настоящим безумием. Теперь я знаю его вкус, теперь я знаю, каково это испытывать то, о чем сотни раз пыталась написать, но не получалось, не выходило так, «по-настоящему». Не цепляло, не пробивало, как сейчас, до нутра, не воспламеняло и не возносило к небесам...а теперь погружение полное – в пропасть, в агонию этого мужчины, кто накинулся на меня, как оголодавший, одинокий волк, что уже потерял всякую надежду найти свою пару. Ничего не понимаю, не понимаю, что происходит, поддаюсь лишь инстинктам и вызванным его действиям желанием...прогибаюсь, извиваюсь в его руках, ласкающих мое тело, ощущаю, как согревает мои груди в сильных ладонях, жестко сминает, лаская соски большими пальцами, стонет в мои губы от удовольствия, забирая каждый мой вздох. «Ещё...еще...пожалуйста», мне хочется сказать именно это, хочется умолять его, чтобы не останавливался никогда, чтобы трахнул меня на рабочем столе или диване, не важно. Просто слиться с его силой хочу, ощутить в полной мере то, что так долго пыталась передать словами и предложениями...страсть, любовь, от которой колеют, заряжаются сладким током воспламененные вены.

– Нравится, Ария? Ты всегда такая отзывчивая, такая чувственная. Идеальная любовница, идеальная шлюха, идеальная девочка. Я искал тебя в других и не нашел. Ты нужна мне, Ри. Не отпущу, ты все мне расскажешь, где тебя черти

носили. И извиняться долго будешь...на коленях стоя, все равно не прощу, но удовольствия получу море, малышка, – срывающимся хрипом выдыхает Дэймон, толкаясь мощным стояком прямо в мои ягодицы. Низ живота заливают жидким огнем, сладким томлением. Он толкается снова с такой силой, будто только проклятая ткань мешает ему погрузиться в меня прямо сейчас. Вдруг развернув лицом к себе, стремительно сгибает мою ногу в колено и прижимает за попку к своему горячему паху, неистово сжимая кожу ягодиц, заставляя меня выть, кусать губы и жадно в ответ целовать его до потери пульса, двигая бедрами против его бедер. Черт возьми я замужем, замужем...что делаю я? Какого черта происходит? Плевать на все, ничего в мире нет, кроме этого «знакомого незнакомца» ...магия, сон, называйте как хотите. С ума я сошла, с катушек слетела, что тут еще сказать?

Внезапно перед внутренним взором всплывают улыбки Макса и Марианны. Они никогда не видели, как мы с Лиамом проявляем любовь друг к другу, и вдруг так горько от этой мысли становится. Я не могу так, неправильно это...хотя если это сон, почему бы не поддаться соблазну? Все испарится, измена сотрется, как только открою глаза.

Очнувшись, как от наваждения, я наотмашь ударяю его по лицу, и мне даже удается попасть «в яблочко», за что я вновь получаю аркан из цепкой хватки на своей шее. Мерсер сжимает мое горло, вглядываясь в мои черты лица взором безумного зверя. Он невероятно мужественен в своей агонии и ревности, или я просто дура, которую зацепило отчаянье, сожаление и любовь, что пробивались сквозь призму его претензий, наполненных яростью и горечью. Больно, обидно, слезы жгут глаза, мы смотрим друг на друга, как два заклятых врага, которые когда-то любили друг друга до потери пульса. Странное чувство, неопишное. Весь мир переверну, но найду ответы...и долго искать не придется.

Внезапно в дверь кто-то врывается, и это отвлекает моего мучителя от экзекуции над моей шеей. Мерсер отпускает меня, резко оттолкнув в сторону. Не глядя ни на него, ни на того мужчину, кто помешал нашему «диалогу», я бегу по направлению к двери, спотыкаясь на огромных каблуках и чуть было не падаю...устоять мне удастся с трудом, как и выбежать на лестничную площадку. Хватит с меня лифтов на сегодня. Я спускаюсь по лабиринту лестницы бесконечно долго, тяжело дыша, и, задыхаясь, не отдавая отчет своим действиям. Голова кругом, в ушах стучит ток крови, сердце на разрыв бьется, страшно, что вот-вот остановится.

Перед внутренним взором мелькает странный калейдоскоп воспоминаний – нерасшифрованный мной, непостижимый. Словно пазл моей жизни рассыпался и не собрать все так просто в единую картинку.

Я должна все вспомнить...

Ноги сами несут меня в нужное направление, еще более удивительно то, что когда я ловлю такси и сажусь внутрь, я без запинки называю водителю незнакомый мне адрес и через полчаса, полностью доверяя мышечной памяти и ключами под номером «105» оказываюсь в квартире в центре Манхэттена. С удовольствием рассказала бы вам о ее интерьере, но, помнится, тогда у меня все перед глазами плыло, словно в глаза кто-то морской воды залил. Обессиленный, я каким-то чудом нахожу в одной из комнат кровать и мгновенно на ней вырубаясь, проваливаясь в сон.

Надеюсь, мне не будут сниться кошмары.

Глава 1

Если нет никакой возможности нам быть вместе, зачем Бог познакомил нас?

Город ангелов (City of Angels)

Ария

Первое, что ощущаю, когда прихожу в сознание – ноющую головную боль. Словно нервы превратились в оборванные провода и теперь царапают и бьют током кожу висков изнутри, смеются над моей беспомощностью и глупостью. Смеются над тем, что мне приходится зарабатывать деньги, предоставляя свой разум в качестве «подопытного кролика», которого подвешивают за веревочки и вытворяют с ним всё, что заблагорассудится.

Я своего рода проститутка, только разменной монетой в подобной работе выступает не мое тело, ласка и женственность, а мозги, разум, подсознание и самое главное – сны.

Не от хорошей жизни я вынуждена подрабатывать таким способом, уж поверьте.

Посторонний шум раздражающий слух, напоминающий рев турбины самолета перед взлетом, постепенно стихает. Распахнув веки, и, устремив взгляд на серый потолок, пытаюсь угомонить беспощадно бахающее в груди сердце.

Вы, наверное, знаете, каково это проснуться среди ночи от душераздирающего кошмара и еще долго отходить после увиденного, искренне радуясь, что все пережитое было ужасным сном. Уверена, многим из вас виделись цветные, реальные, почти осязаемые сны. После них всегда такое чувство, будто душу наизнанку вывернули, разорвали и лоскутками затолкнули обратно. Дерьмовое. И пить жутко хочется, будто неделю в пустыне провела.

– Нет! Не надо! Отпусти меня! – резко подпрыгиваю на кушетке, срывая с себя провода, прикрепленные к моему телу специальными присосками. Прежде чем я вскакиваю с постели и начинаю громить все, что попадется мне на пути, поддаваясь первому внутреннему порыву, встречаюсь взглядами с приятной женщиной, облаченную в темно-синюю форму, ассоциирующуюся у меня с одеждой медсестры или врача. И вспоминаю, где нахожусь, откладывая погром на неопределенный срок.

Но это не больница. И я пришла сюда по своей воле.

– Тихо, успокойтесь, Ариадна. Держите, попейте воды, – я прекрасно помню, что эту женщину зовут Ева. Немного успокоившись, и, восстановив дыхание, принимаю из её рук стакан с минеральной водой, немедля опустошая его залпом. Стресс всегда вызывает обезвоживание организма. И до этого дня, я не думала, что работа, которой я занимаюсь настолько стрессовая. Раньше ничего подобного здесь не случалось. Я считала это лишь легким способом заработать побольше денег...но обо всем по порядку.

– Вы провели во сне пять минут, – наконец, объявляет Ева, устремляя сосредоточенный взор в свой ноутбук. Её пальцы с невероятной скоростью «летают» по клавиатуре, женщина явно вносит немало «секретных» заметок в мою личную карточку. Я выгляжу примерно так же, когда пытаюсь писать свой роман, которому едва ли суждено стать мировым бестселлером.

– Плохая новость, – продолжает анализировать женщина, приподнимая одну из своих тонких бровей, которые делают выражение её лица деловым и стервозным. – Судя по всему, вам снился кошмар. Ваш пульс зашкаливал, я испугалась и хотела сразу разбудить вас, чтобы избежать перегрузки нервной системы. А потом... – она вдруг посмотрела на меня, расплываясь в искренней улыбке, которой как бы говорит мне: «я никому не расскажу твою тайну». Я понимаю, что она хочет мне сказать. Должно быть, она стала свидетельницей того, как я стонала от вожделения, или того хуже. Кроме сушняка меня мучает боль внизу живота, и она связана с диким возбуждением, которое я в полной мере испытала сейчас, в своем чертовски реальном сне. – Хорошая новость – вы, наконец, погрузились в осознанный сон. Скорее всего, это был тот самый случай, когда вы почти понимаете, что спите. Когда сон кажется вам очень реальным, но вы не можете менять его сценарий в глобальном масштабе, так как грань между ощущением себя во сне и сомнениями не дает вам этого сделать. Я попрошу вас записать то, что вы увидели в дневник сновидений, Ария. Это очень важно, для нашей дальнейшей работы. Вас ждет большая премия за вхождение в это состояние. Судя по тому, что в мозгу активизировались зоны, отвечающие за сексуальное возбуждение, сегодняшний рабочий день был приятным, – улыбнувшись, Ева захлопывает ноутбук, потирая ладони с хитрым блеском в глазах.

Я пропускаю её ехидное и неуместное замечание мимо ушей.

– Премия... – тяжело выдыхаю я, не веря в то, как только что заснула в студии в самом сердце Манхэттена, а проснулась здесь – в одной из комнат закрытой компании «Лабиринт» – секретной лаборатории, работу в которой нашла совершенно случайно, пару месяцев назад. Все, что здесь происходит – строго секретно, о «Лабиринте» вы не узнаете в новостях, не услышите по радиоканалам. Компания занимается довольно странной вещью – исследует человеческое подсознание и сны, особенно их интересуют осознанные, их всегда можно отследить с помощью специального оборудования. Я не знаю, зачем этим ребятам заниматься подобной ерундой, я просто хожу сюда и сплю, а мне платят. По крайней мере так было до этого дня, и меня знаете ли, «халявные» деньги устраивали.

– Неужели я спала всего пять минут? – мне казалось, я провела в кабинете Мерсера целые полчаса. Черт возьми это не могло быть сном.

Не могло. Правда?

– Понимаю, как вам сейчас трудно прийти в себя. Но вы хорошо открыли свое подсознание, не многим волонтерам удастся войти в такое состояние всего за два месяца. Доктору понравится то, что я теперь курирую такую, как вы. У меня впервые подобный пациент, – хвастается Ева, но я не могу сейчас разделить её чертову радость. Это трудно, когда у тебя ощущение, словно тебе только что в буквальном смысле «мозг трахнули».

– Теперь каждый мой поход сюда будет...таким?! – может еще не поздно уволиться с этой проклятой работы?

– Неизвестно какие сны будут вам сниться дальше, Ариадна. Возможно, да. Возможно, нет. В любом случае, вы заключили контракт на год с нашей компанией. Как правило «подсознание» быстро втягивается во вкус, мы нашли с вами идеальное время, при котором вы осознаете сон. Вам сегодня не стоит нервничать, напрягаться, а также, я бы не советовала вам пока заниматься спортом. Вы испытали определённый стресс. Хотя зачем я вам рассказываю. Вы же подписывали все бумаги и знаете правила и последствия?

– Да, конечно. Спасибо, что напомнила, Ева, – точнее, намекнула мне, какая я идиотка. Продаю свое подсознание за деньги. Только вот выбора у меня не остается, когда муж зарабатывает гроши, а я сама ничего не умею, кроме как заниматься графоманством и копирайтингом, а дома меня ждут два несовершеннолетних чада, которых нужно чем-то кормить, одевать, заботиться. Быть родителем – огромная ответственность, и мне было бы гораздо хуже, если бы я знала, что мои дети недополучают внимания и материальных благ. Ради них мне не жалко даже крупички своего сознания, все равно ничего страшного со мной не произойдет.

Подумаешь, сны. Подумаешь, теперь ещё и осознанные. Глупости. Главное, что Марианна и Макс почти не ощущают того, что мы живем на грани бедности. Может, я преувеличиваю. Но у нас с Лиамом действительно каждая копейка на счету, а жизнь под девизом «от зарплаты до зарплаты» это жизнь почти каждого человека в нашем районе и ближайшем окружении. К тому же, я надеюсь, что это все временно. Рано или поздно его повысят на работе, и не важно, что я жду этого момента несколько лет. Шансы стать руководителем есть и у простого рабочего, мне же известны такие случаи. У нас все будет хорошо.

Но вы же понимаете, что я себя так успокоить пытаюсь. У нас ни хрена не «хорошо».

– Все в порядке? – интересуется Ева, вглядываясь в мои черты лица, наверняка полностью отображающие мое загруженное состояние. – Вы помните, кто вы, Ария? Зачем вы здесь? – уточняет она, когда я, наконец, встаю с кушетки, расположенной посередине неприглядного кабинета.

– Конечно, помню. Я здесь, потому что это моя работа, – и вы мне хорошо платите.

Через две минуты я покидаю скромную серую лабораторную коморку, где нет почти ничего кроме оборудования, напоминающего аппарат для МРТ-исследования и парочки компьютеров. Блуждаю по серым и сдержанным коридорам, действительно похожим на «Лабиринт» в котором так легко затеряться, без той самой нити Ариадны, которую она подарила Тесею в одноименном древнегреческом мифе. С детства зачитывалась этими легендами, они же и привили мне любовь к чтению, вдохновили однажды сесть и попробовать себя на писательском поприще. Да только я свои возможности переоценила, оказавшись заурядной бездарностью. Некоторые моменты писательского «просветления» не в счет.

Мышечная память сама ведет меня к выходу из здания, а я лишь изредка останавливаюсь в коридоре, нервно ощупывая голые стены, пытаюсь понять, зачем я это делаю. С целью убедиться, что проснулась, зачем же ещё...у меня, вообще, состояние, как после плотного общения с косячком марихуаны, но это пройдет.

Здесь всё серое, какое-то тусклое, неживое...совсем не такое, какое было во сне. Яркость и резкость моего зрения уменьшились, будто погас свет, окрасив всё в черно-белое. Невольно вспоминается шикарный и просторный офис, которой вызывал у меня только восторг, восхищение и жажду ощупать там каждый уголок, посидеть на каждом мягком диванчике и выпить литр бесплатного кофе, предоставляемого сотрудникам.

– Я Ариадна, мне тридцать два, – захожу в стального цвета лифт и поднимаю взгляд на свое отражение. Меня преследует чувство дежавю, причем не самого приятного. Из зеркала на меня смотрит уставшая женщина, а не молодая

девочка с озорным огоньком в глазах. И проблема не в том, что я выгляжу взрослее – это не совсем так, потому что гены наградили меня ангельским «baby face», которое могло бы быть очень красивым сейчас, если бы не шелушащаяся кожа, опущенные вниз уголки губ, огромные тени, океанами расплывшиеся под глазами. Я молчу про свой стиль, полностью противоположный тому, что видела сейчас во сне: верхнюю часть моего тела закрывает мешковатая объемная толстовка, спортивные штаны ведут к кроссовкам, которые я купила на распродаже. Какой уж мне «Monolo Blahnik», смешно даже. В отчаянии закусив сухие губы, нервно тереблю скудную косу, замечая насколько сильно секутся кончики. Полный набор, не хватает ногтей обгрызенных. Как я могла так себя запустить? Как? Я же была такой красавицей в колледже.

И этот сон окончательно добил, взбесил, заставил посмотреть на себя другими глазами, словно со стороны. И теперь, когда я привела себя в чувство, то наконец осознала, что мне все-таки снилось. И кто он такой, этот восхитительный, притягивающий меня мужчина.

Опасный, и совершенно ненормальный...я знаю его. Но мне нужно привести все свои мысли в порядок прежде, чем я поделюсь с вами своими догадками.

– Ари, ты выглядишь странно. Устала? Марианна и Макс совсем тебя загоняли? – в последний момент, в закрывающийся лифт вбегает Скарлетт – молодая девушка, с которой мы сидим за одним столиком в столовой «Лабиринта». Студентка устроилась в компанию таким же «подопытным кроликом», чтобы оплатить обучение в университете.

– Есть немного. Спасает детский сад и куча других активностей. У Марианны секция по фигурному катанию и музыкальная школа. Макс занимается футболом и каратэ, – нейтральным тоном отвечаю я, ощущая в теле невероятную усталость и слабость. Нет сил даже на приветливую улыбку.

– Слышала, тебе дали премию. Ева моей надзирательнице похвасталась, – с ноткой зависти произносит Скарлетт, прижимая к груди дневник своих сновидений. – Я очень за тебя рада. Каково это, осознать себя во сне? Ты помнишь, что тебе снилось? – засыпает вопросами девушка, подходя к зеркалу, и, доставая красную помаду из сумочки, наносит её на пухлые губы. – Ты делала все, что тебе хочется или как? Будь я в таком сне, я бы сразу облетела весь мир, попутешествовала... а потом приземлилась бы в постели Бреда Питта и трахнула бы его. Ух, я бы развлеклась.

Меня едва ли не трахнул кто-то гораздо погорячее твоего Пита.

– Эм, план, конечно, гениальный, Скар. Но там немного все по-другому... Я осознавала себя во сне, да. Но не то чтобы могла его контролировать. Я не придумывала его, а просто проживала, плыла по течению подсознания. Будто играла роль, своего некого ... двойника, понимаешь? Я думаю, что не смогла бы взлететь, даже если бы попыталась, – делюсь впечатлениями я. Это сложно, я ведь сама еще не до конца поняла, каково это было.

Кроме того, как потрясающе. И страшно. Потрясающе-страшно.

– Странно это все, до чего все-таки дошли исследования. Удивительное наше сознание, раз мы люди, способны «путешествовать» во сне. Я раньше не задумывалась об этом, не пыталась войти в осознанный сон... а теперь мечтаю о таком приключении. Я могла бы учить языки во сне, я могла бы жить и там, не правда ли? – хихикает Скарлетт, вслух озвучивая мне наихудшую из моих версий о произошедшем. – На сон мы тратим восемь часов в сутки. Было бы здорово, если бы мы проводили это время с пользой, благодаря осознанным снам. Это ведь все равно круто? – заговорщицким тоном шипит Скар, толкая меня локтем.

– Да, – нарочито-равнодушно бросаю я, ощущая, как кровь мгновенно приливает к лицу, заставляя мои щеки пылать. Даже в отражении видно насколько я смущена и разгорячена своими же воспоминаниями.

– Мне кажется, или ты покраснела? – подначивает Скарлетт, тщательно рассматривая мое лицо. От допроса меня спасает только остановившийся на первом этаже лифт.

– Отстань, Скарлетт. Мне пора домой, к мужу, – натянуто улыбнувшись, я наспех прощаюсь с девушкой, провожающей меня любопытным взглядом. Выхожу из «Лабиринта» и нахожу на парковке свой старый пикап, что тархтит как самый древний в мире трактор и норовит развалиться на части прямо по пути домой.

Оказавшись в салоне, я жадно вбираю в легкие воздух и тут же начинаю кашлять от противного запаха, который остался в машине после прежних хозяев.

Что я могу сказать? Добро пожаловать в реальность.

* * *

Дорога до дома занимает больше привычных двух часов. Что-то тормозит меня, мешает двигаться вперед, будто подсознательно, где-то в глубине души, я не очень хочу возвращаться домой. Сначала я рассеянно брожу по улицам вокруг офисов компании «Лабиринт», впервые в жизни жалея о том, что не курю, да и не пробовала никогда. Однако, не отказалась бы сейчас испробовать на себе «волшебное» успокаивающее действие никотина, о котором слагают легенды знакомые курильщики. Хочется привести в порядок голову, поставить все извилины и нейроны на место, измученные фантастически реальным сном, что был неотличим от яви.

Я видела мистера Мерсера точно так же, как вижу сейчас перед собой каждого равнодушного прохожего, что спешит по своим делам и не обращает на меня никакого внимания, словно меня не существует. Я ощущала, я чувствовала его. Всей кожей. И только от одного лишь воспоминания о нем, она покрывается инеем прямо сейчас.

Еще час назад я воспринимала себя успешной, уверенной в себе девушкой, реализованной, стремящейся только вперед, вдохновляющей..., достойной всего самого лучшего в мире, какой-то другой гранью моей личности, которая просто в себя поверила. Бесстрастно задавала вопросы этому мужчине и одним своим видом довела до такого мощного стояка. На мгновение, мне показалось, что мистеру Мерсеру действительно удастся изнасиловать меня. Я была в шаге от пропасти, в шаге от удовольствия, отчаянья и даже предательства своему мужу...но разве можно считать изменой то, что происходит во сне, за гранью реальности? Конечно, нет. Мы живем в материальном мире, и важно только «здесь и сейчас», то, к чему можно прикоснуться. Но, если все мои мысли теперь крутятся вокруг Мерсера, то насколько это подло по отношению к Лиаму?

Где бы я ни находилась, о чем бы ни старалась думать, я постоянно возвращаюсь к осознанному сну и пытаюсь вспомнить его детали, пытаюсь «нарисовать» лицо Мерсера перед своим внутренним взором, но ничего не выходит, просто не получается. Думаю, всем знакомо это чувство, когда вы пытаетесь до мелочей вспомнить детали сна, но они ускользают крупными песчинками, убегая сквозь общие потоки мыслей.

Итог сегодняшнего дня: я потеряна в пространстве, подавлена произошедшим, поражена до глубины души и всерьез задумываюсь о сеансе с психотерапевтом.

Наконец, я бросаю старый пикап на неприглядной улице Бронкса. Направляюсь в сторону дома, нервно косясь на орущих китайцев, устроивших небольшую вечеринку в своем заваленном мусором патио. Опускаю взгляд вниз, стараясь абстрагироваться от их ругани, и вижу под кроссовками не только опавшие от яблонь розовые лепестки, но и сигаретные окурки, фантики из-под конфет, и сегодня они как-то по-особенному не радуют взгляд.

Я наизусть знаю сценарий своего сегодняшнего вечера, ведь он будет похож на сотни, тысячи вечеров, которые у нас были до этого дня.

Давайте угадаю?

Я приду домой, Макс и Марианна крепко обнимут меня и убегут смотреть мультики. Лиам поужинает на кухне, не дождавшись меня и спросит: «Как твой день?», уткнувшись в телефон. После, он уйдет играть в онлайн мир или развалится на диване за просмотром баскетбольного матча, прихватив с собой пиво и чипсы. Конечно, он пригласит меня разделить с ним это интимное таинство, и, при желании, я могу уютно устроиться рядом с ним и даже прижаться к родному мужскому телу. Но это так...так...

Поймите меня правильно, я не считаю, что все это – плохое времяпровождение. Но, когда каждый день становится похожим на предыдущий, жизнь превращается в ад, по крайней мере для меня, творческой личности, вечно пребывающей в поисках вдохновения, которого нет. Я чувствую такое внутреннее отчаянье сейчас и тревогу, что волчицей взвыть хочется.

Я давно не ощущаю себя любимой и желанной, молодой и расцветающей...а ведь это так. Тридцать два – это прекрасный возраст, а я порой мыслю так, словно мне шестьдесят, и все лучшее позади. Хочется это изменить, как-то все исправить, выбрать новый путь. Заняться спортом? Ухаживать за собой? Пожалуй, с этого стоит начать...

Кажется, что все знакомые из прошлого достигли небывалых высот, а я – девочка обладающая, по словам всех преподавателей, и родственников

«космическим потенциалом» – не смогла.

Кажется, после его смерти всё пошло ко дну. Да, именно в день, когда я потеряла своего лучшего друга и любимого человека, истинную половинку моей души, я опустила руки.

Когда я захожу в наш маленький дом, сделанный из красного кирпича, ничем не выделяющийся на фоне остальных таких же «хижин», дети действительно бегут ко мне с радостными улыбками и на душе становится немного легче, а настроение мгновенно поднимается до прежнего «стабильного» уровня. Сегодня очередь Лиамы забирать их из школы, поэтому они уже давно дома.

– Привет, мам! – Марианна кидается мне на шею, и мне даже не нужно сильно наклоняться, чтобы обнять дочку. Несмотря на то, что ей всего девять лет, она растёт очень высокой девочкой и, несомненно, красивой. Все говорят, что она моя «молодая копия», и она, как никто напоминает мне о том, какой я когда-то была, какие нереальные данные мне были даны природой. Мари, кстати, моделью мечтает стать, и все время демонстрирует мне буклеты из модельных школ, но пока, из-за отсутствия свободных средств, я вынуждена говорить дочери твердое «нет», и это всегда дается мне с тяжелым сердцем.

– Как твоя контрольная, милая? – всерьез беспокоюсь я, нежно убирая длинные выбившиеся из хвоста прядки волос от ее лица. Невольно люблюсь красотой дочери. Всегда горжусь ей, когда она радует нас хорошими отметками. Хотя и за плохие не ругаю, быть может, потому что приносит она их довольно редко.

– Боюсь, что на пару вопросов ответила неправильно... – дочь нервно опускает глаза, а потом поднимает их на меня, глядя с немного извиняющимся выражением в зеленых глазах.

– Ты просто не уверена в себе, ты всегда так говоришь. Может, не все так плохо? Не переживай, милая, – успокаиваю Марианну я, замечая тревогу, исказившую красивые черты лица Анны.

– Завтра и узнаем, – взволнованно выдыхает Мари, и я снова крепко обнимаю её, уже и не веря в то, что могла воспринимать что-то иное, как истинную реальность.

Вот они здесь: две причины и смысл моей жизни.

Мои дети, самое дорогое, что у меня есть на сегодняшний день.

Как я могла сомневаться...ведь на какую-то долю секунды я всерьез подумала о том, что моя реальная жизнь была во сне, а то, что происходит сейчас – бред сумасшедшей, альтернативный мир, в который я погружаюсь, чтобы сбежать от реальности по каким-то неизвестным мне причинам. Надеюсь, это не шизофрения. Иначе, я бы об этом не думала. Едва ли шизофреник признает, что он может быть болен.

– Можно я пойду посмотреть мультики? – следуя обычному вечернему сценарию, спрашивает Мари, слегка подпрыгивая на одном месте.

– Ну, Анна, а с мамой поужинать? – искренне улыбаясь, надуваю губы, замечая смятение на лице Марианны.

– Я уже поужинала. Ну прости, мам. Там начинается уже... – шепчет Мари, поглядывая в сторону гостиной с телевизором.

– Да, конечно. Беги, если уроки сделала. Я потом проверю, – не знаю, в который раз за последние три года повторяю эту фразу.

– Ураааа! – восклицает дочь и пулей бежит к дивану в другую комнату, откуда уже во всю доносится саундтрек из Диснеевского фильма.

– Ну что, твоя очередь, – обнимаю подозрительно тихого сегодня Макса и, наконец, замечая причину его отстраненности и желания не привлекать к себе родительского внимания. Мое сердце сжимается острой болью, до краев заливаясь тревогой, злостью и даже какой-то яростью, граничащей со звериной, когда я замечая легкую синеву у него под глазом. Фингал.

– Макс, что случилось? – обхватив ладонями лицо сына, застывшее в каменном выражении, оглядываю масштаб нанесенного ему урона.

– Не хочу говорить, мам. Отпусти меня, ладно? – девятилетний ребенок со взрослым характером. Упрямый и гордый. Понятия не имею в кого он такой.

И да, Мари и Макс – близнецы, но совсем не похожие друг на друга.

– Я в свою комнату, мам, – ворчливо добавляет он, наспех обнимает и, слабо оттолкнув меня, исчезает за поворотом в узком коридоре.

– Его опять дразнили, называли нищевродом, которому нечего делать в их «крутой» школе. Их родителей вызвали, все виновные будут наказаны, Ария, – в дверном проеме, что разделяет коридор и кухню, наконец появляется Лиам с огромным хот-догом в руке. Тяжело вздохнув, я натянуто улыбаюсь, замечая капли кетчупа и горчицы на растянутой футболке мужа.

Черт возьми, и только попробуйте меня осудить за то, что в эту секунду в мыслях вспыхивает образ мужчины в черных классических брюках и обтягивающей рубашке, где воротник и манжет не имеет ни одного изгиба. На одной чаше весов – мужчина «с иголки», а на другой – любимый муж, который считает, что дома можно носить только то, что замарать не жалко. Я, конечно, тоже никогда не наряжаюсь, как на подиум, но маниакальная чистюля, вроде меня, никогда не позволит себе ходить в грязной одежде, и поэтому меня так сильно раздражает, что он в этом плане моя полная противоположность. И спорить, просить его следить за чистотой – бесполезно, Лиам только с большей прытью и радостью будет разбрасывать свои носки во всех углах и не поднимать крышку унитаза. Бесит.

– Как-как они его звали? – муж недовольно морщится, когда я испепеляю его грязную майку придирчивым взглядом. Спортивные штаны, по всей видимости, чистые, уже хорошо. Невольно оцениваю его фигуру, но стараюсь не сравнивать с идеальной мужчиной из сна. У Лиамы хорошее телосложение, мужественное и крепкое. Отсутствие накаченного пресса его совершенно не портит, и, когда мой взор, наконец, поднимается к его лицу, я начинаю вспоминать, почему когда-то в него влюбилась. Не за внешность, конечно, но мое внимание «в толпе» бывших поклонников он привлек сразу. У него крупные, массивные черты лица, которые сразу бросаются в глаза и врезаются в память. А в то время, когда мы познакомились, он мечтал стать комиком и меня пленили его харизма и чувство юмора, на которые сейчас нет и намека.

– Да что же это такое. Мы хотели как лучше, отдали их в одну из престижных школ, платим за нее бешеные деньги. А ребенок от этого страдает, – чуть не плача, вздыхаю я, проходя на тесную кухню, где все без моего присмотра лежит не на своих местах.

– Все будет в порядке, Ария, Макс набьет себе шишек, зато защищаться научится. Ничего страшного не произошло. Я провел с ним беседу и инструктаж на тему того, как вести себя в таком случае в следующий раз. Короче говоря, намекнул ему на то, что в каратэ он ходит не зря, и в следующий раз ему стоит показать обидчикам, у кого здесь черный пояс в его возрастной категории.

– Ты же знаешь, он только на соревнованиях все приемы использует. У них ведь есть правила...и это опасно. Он может переусердствовать, если захочет и начнет нападать в ответ. Ну и советы у тебя, Лиам.

– Он будет защищаться, не нападать. И, вообще, с кем не бывает? Тебя не дразнили в школе? – усмехаясь, интересуется муж, отправляя в рот остаток хот-дога. Предпочитаю не смотреть на то, как он пытается пережевать кусок булки с сосиской и тем более на то, сколько крошек летят на грязную майку и кухонный пол.

В школе, пожалуй, дразнили. А вот в колледже все хотели дружить со мной, все хотели быть удостоены хотя бы толики моего внимания. Лучшее время моей жизни. Лучшее время, лучший человек рядом...если бы из груди можно было бы вырвать половину сердца и вернуть к жизни Эйдена таким образом, я бы это сделала. Но увы, моя первая любовь очень давно вне зоны доступа. Десять лет прошло. Если где он и может быть жив, то только...в моих снах. К сожалению.

– Меня дразнили, но я никогда не давала себя в обиду, – обнимаю Лиам со спины, пока он заботливо накладывает мне ужин и плотно прижимаюсь к его чертовой, грязной майке. Ничего не чувствую, автоматическим движением утыкаясь в затылок мужа. Да и он остается холоден, даже, когда я начинаю лхнуть к нему, как голодная кошка, потираясь носом о твердое мужское плечо.

– Эй, ты что, детка? Так сильно есть хочешь? – пытается отшутиться Лиам, вызывая во мне бурю негодования.

Я голодна, чертовски голодна. И хочу я далеко не еды.

– Смотри что там, – понимаю, что миссия «добиться ласки от мужа» провалена. – Китайская лапша с курицей?

– Как ты угадала? – глухо смеется Лиам и ставит передо мной тарелку с едой, когда я занимаю свое место, присаживаясь за покоцанный стеклянный стол. У нас с ним отдельный бюджет и совместное видение хозяйства. Лиаму не сложно поухаживать за мной, когда я поздно возвращаюсь из «Лабиринта». В остальные дни накрываю на стол и готовлю я.

– Ты всегда готовишь это в день матчей, – мне приходится сдерживать внутренний порыв возвести глаза к потолку. – Не хочешь посидеть со мной, дорогой? – прошу я, когда замечаю, как Лиам привычными, доведенными до автоматизма движениями достает из холодильника банку пива, с тихим хлопком открывает её, а после, роется в буфете в поиске чипсов.

– У меня матч, Ари. Лучше ты присоединяйся ко мне после ужина. И чипсы свои захвати. Не люблю когда ты лезешь в мою пачку, – предлагает Лиам, с энтузиазмом подмигнув мне. Да уж, «идеальный» семейный вечер, сказать нечего.

– Лиам, я пожалуй откажусь...хотела написать главу сегодня, попробовать точнее. Надеюсь, получится черкнуть хотя бы пару абзацев... – тяжело вздыхаю я, ощущая острую потребность в поддержке мужа, необходимость поговорить с ним, как-то вдохновиться на свой роман. Мне бы хотелось, чтобы он хотя бы выслушивал мои идеи, высказывал свое мнение по поводу героев и канвы сюжета. Обычно в споре рождается истина – по крайней мере у меня так. Я недостаточно уверена в себе, чтобы написать что-либо без чужого одобрения.

Но я знаю, что сказал бы мне Эйден, если бы до сих пор был бы жив. Что я должна слушать свое сердце, погрузиться вглубь себя, изучить изнанку своей души и просто записать то, что я там увижу, оформив это в свою уникальную историю. Он всегда так говорил, он настаивал на том, чтобы я писала, как вижу и никого никогда не слушала...кроме него, разумеется. Под покровительством личного гения мой внутренний творческий потенциал расцветал со скоростью света, пока не погас и не погиб вместе с тем, кто зажёг во мне веру в себя. Вместе с Эйденем.

– Идеально. Зато никто не будет тебе мешать, Ари, – не расставаясь с пачкой чипсов, Лиам подходит ко мне и, бережно обхватив мое лицо ладонями, касается губами лба. Резко разворачиваясь, муж покидает кухню, и, судя по тому, что он направляется не в ванную, а сразу во вторую гостиную, переодевать грязную футболку Лиам не собирается.

Черт. Почему мы вместе? Разве это любовь, разве так должно быть? Да тут к психологу ходить не надо, чтобы понять: мы просто привыкли друг к другу, живем по накатанной, сохраняем брак ради Макса и Марианны. Или, может, я не права, и у нас просто сложный период? Стадия «отвращения» так сказать, после которой придет духовная дружба, кармическая связь и неземная любовь? Может быть, стоит просто работать над отношениями, а не ждать когда он первым проявит заботу и внимание?

Следующие десять минут я задумчиво и бесцельно вожу вилок по тарелке, так и не попробовав кулинарный шедевр Лиамы на вкус. Сегодня кусок в горло не лезет, после того, как я увидела себя такой стройной – особенно. Угнетающее чувство тревоги не отпускает, пылает внутри, где-то в районе солнечного сплетения. По дороге в спальню заглядываю в гостиную и замечаю, что Макс немного остыл и присоединился к Мариане за просмотром мультфильма. Анна заплетает свои длинные волосы в косу и с заразительным блеском в глазах повторяет реплики каждого из героев, пока Макс сидит на полу и собирает фигурки из лего. Я же...ловлю себя на странном ощущении невероятной пустоты, поселившейся внутри меня, подобно вирусу, которым я заразилась сегодня. Я люблю своих детей до безумия, я люблю их, безусловно – до луны и обратно...и мне всегда так казалось, но сегодня я ощущаю жуткое равнодушие ко всему, что меня окружает. И это чувство такое сильное, что даже родные дети кажутся мне...ненастоящими. Это трудно объяснить, и я знаю, что не имею права даже так думать.

Я ужасная мать...

И я почему-то ловлю себя на мысли, что не помню момент родов. Не помню первые дни их жизни...разве такое возможно забыть? Может, это тот самый «звоночек» возвещающий о том, что пора обратиться к врачу? После того, как я устроилась в «Лабиринт», у меня, правда, начались незначительные проблемы с памятью. И по ходу с каждым днем они нарастают, как снежный ком.

Иногда мне кажется, что моя жизнь подозрительно чужая, статичная, тусклая. Как бессмысленный сон, который никто из вас даже бы не вспомнил на утро. Сон, который не трогает сердце.

Прохожу чуть дальше и заглядываю в комнату, где на диване разлегся Лиам: босые ноги мужа лежат на журнальном столике, внимательный взгляд

загипнотизирован происходящим на экране. Стараясь не обращать внимание на то, что сейчас он не особо привлекает меня, я смотрю на Лиаму со стороны и снова вижу в нем того привлекательного мужчину, в которого когда-то влюбилась. Мы познакомились на свадьбе друзей из колледжа. Я была чертовски пьяна и насквозь пропитала слезами его рубашку, которую он хранил со школьного выпускного. Я пила, чтобы заглушить адскую боль, что отрывала куски от моего сердца и съедала его части каждый день, в котором больше не было Эйдена. Мне стыдно за то, что я была такой слабой и первое время так низко переживала уход любимого человека из жизни. Мне нужно было время, которое исцелит меня, вернет осколок души...но я ошибалась: время ничего не вернуло, не исцелило.

До сих пор болит, ноет, кровоточит...раз в таких реальных снах мне мой единственный, по-настоящему любимый мужчина является.

И никто, даже законный муж никогда не займет его место. Он был всем для меня, никто кроме нас не поймет, кем мы являлись друг для друга.

Наше «мы» – это когда...

Сны на двоих, миры на двоих и одно дыхание на двоих.

К слову, у Лиамы в отличие от меня великолепное тело, особенно для любителя выпить пива и обожраться чипсами. У него, конечно, нет до мелочей очерченных мышц, но в целом рельеф заметен, и все благодаря тому, что он работает на стройке и много двигается. Мой взгляд замирает на его массивных руках, на тыльной стороне которых найдется парочка грубых мозолей. Я знаю, он делает для меня и детей все, что в его силах, просто...я бы хотела видеть его руководителем строительной компании, а не рядовым рабочим.

Да уж, мои мысли о собственном муже далеки от совершенства. Факт остается фактом: если бы я любила Лиаму по-настоящему, если бы он просто не был «таблеткой от одиночества», которую я «приняла» слишком быстро и неразборчиво, стараясь заглушить боль от утраты любимого, я бы хотела его любить, даже с ног до головы осыпанным крошками от чипсов и в грязной футболке.

Но я не хочу его, потому что не могу уважать. Слишком много было обид, недопонимания, ссор перед сном, вместо душевных разговоров или занятий сексом. Я никогда не забуду с каким пофигизмом он относился ко мне в первые месяцы после рождения детей. Словно мне Макса и Анну аист принес, и я не нуждалась в дополнительной опоре, поддержке, внимании, помощи, восстановлении. Не забуду и его придирчивые взгляды в сторону моей фигуры, особенно после родов. Конечно, он не произносил своих «комплиментов» вслух, и я понимаю, что он не хотел обидеть меня намеренно. Но иногда достаточно взгляда своего мужчины, чтобы окончательно опустить руки и забить на себя. Это не оправдание моему нынешнему виду, но всё же...

А я даже такой написать не могу. Не хочу «рожать» из себя банальный текст, который, возможно, вырвался бы в топы на интернет-площадках и даже стал бы напечатанным бестселлером.

Хочу по-другому, хочу по-настоящему.

Хочу рассказать нашу с Эйденом историю, настоящую историю...и плевать мне, станет ли она популярной. Я сделаю это ради него, для себя. Я напишу книгу, в которой мы навсегда останемся вместе...

Наконец, я поднимаюсь в нашу с Лиамом спальню. Комната выполнена в серых тонах и, несмотря на мрачность, это самое стильное место в нашем доме. Прежние хозяева вложились в ремонт, а мы сохранили широкую кровать с ортопедическим матрасом, зеркальный шкаф-купе и даже туалетный столик в ретро-стиле. На нём сейчас стоит только пустая ваза, к которой так и просится букет цветов. Ага, размечталась.

Быстро прохожу в ванную, закрываюсь изнутри и сажусь на пол, поднимая одну из шатающихся плиток. Добираюсь до своего «клада» спрятанного прямо в полу, и открываю коробку, в которой храню всё самое ценное и дорогое сердцу. Мое дыхание становится тяжелее, легкие наливаются свинцом, а руки дрожат перед моментом истины.

Я должна убедиться в том, что я права. Он это был или нет? И что все это значит? Почему именно сейчас подсознание решило сыграть со мной в какую-то злую игру, оголяющую нервы?

Открываю один из своих старых дневников, который вела еще в колледже и записывала идеи романов, свои мечты, цели и планы, сохраняла в приклеенных к страничкам блокнота конвертов любимые фотографии. Почти сразу нахожу нужный мне конверт, доставая из него тонкую стопку фотографий. Тяжелый ком собирается в горле, с губ срывается тихий всхлип...до одури крепко вцепившись в первое фото, я разглядываю его с такой жадностью и дикостью, с таким живым рвением, какого давно не испытывала.

С глянцевого листка бумаги на меня смотрит молодой человек, от которого трудно отвести взгляд.

Даже просто глядя на его фото, я ощущаю его мощную харизму, вибрирующую в мои кончики пальцев энергию, обусловленную моими воспоминаниями о нем. Все в юноше до чертиков притягательно: правильные черты лица, приправленные цепким взором и чарующе мужественным выражением лица. Эта фотография была сделана для альбома к окончанию учебы. Я смотрю на следующую, на которой мы уже вместе и вспоминаю, как Эйден влез ко мне в кадр, чтобы посадить на коленки и неудержимо зацеловать шею, смутив своим горячим поведением штатного фотографа. На следующей мы запечатлены в похожей позе, только уже смотрим в одну сторону, прижимаясь друг к другу висками и скулами, так плотно, будто являемся сиамскими близнецами. Только у нас с Эйденем общими были не части тела, а разум...

На фото с ним я такая юная, счастливая и влюбленная, что плакать хочется или поскорей подальше убрать эти напоминания о том, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы не ряд роковых случайностей, которые привели к его смерти.

Теперь, я точно убеждена, что мужчина из моего сна – мистер Мерсер и мой Эйден, действительно одно лицо. Просто там я мыслила немного иначе, и мне было трудно сопоставить более юного и повзрослевшего Деймона-Эйдена.

На обратной стороне запечатлены годы жизни Эйдена, от одного взгляда на которые у меня начинается такая дикая резь в глазах, застилающая туманной пеленой взор. Сердце воспламеняется жгучей болью.

Я закрыла, спрятала его так глубоко в себе, пыталась не вспоминать, что он вообще был в моей жизни...

Это слишком тяжело.

Наши отношения были похожи на сказку, местами страшную, жуткую, временами – светлую, приторно-сладкую, красивую. Взлет в бесконечность, стремительное падение, захватывающая дух «мертвая петля» – мы две души, не принимающие полутонов, сошлись в неравной схватке.

Мы с Эйденом понимали друг друга с полуслова. Казалось бы, что может быть общего между мной – вечной мечтательницей и начинающей писательницей из бедной и неблагополучной семьи, и гениальным программистом, которого с первого курса ждали и заманивали к себе лучшие IT – компании страны? К слову, громкая фамилия Эйдена и огромные деньги, лежащие на счетах его семьи из лиги «голубой крови» и высшего света не имели никакого отношения к тому, что его везде ждали с распростертыми объятиями. Он, разумеется, отказал всем; мечтал создать свою компанию, и его мечта осуществилась незадолго до смерти.

У него впереди было огромное будущее...еще тогда, я смотрела в его глаза и видела в нём такого мужчину, которого увидела в своем сегодняшнем проклятом, реальном сне.

Несмотря на аналитически-математический склад ума, Эйден понимал мою творческую натуру, более того – он сам писал стихи и книги, до уровня которых я, девушка, возомнившая себя писателем, не смогла бы дотянуться при всем желании. Он никому не показывал свои работы кроме меня и говорил, что лишь мне позволено видеть эту часть его души, что это наш маленький секрет, наш мир, только наша магия. Мы творили. Мы жили. Мы летали вместе...и всё у нас было впереди, несмотря на трудности, с которыми мы сталкивались каждый день: его родители не принимали меня, для них я была девчонка «без рода и имени». Хотя Эйдену всегда было плевать на чужое мнение. В его картине мира только его мнение имело вес, и, если честно, не только в его.

К нему все прислушивались.

Им восхищались.

Девять из десяти девчонок сворачивали головы, когда он шел по коридору и дарили ему томные, страстные, зазывные взгляды. А он был только моим и

неоднократно подтверждал это словами:

«Я вижу только тебя, Ариадна. Обожаю свою ревнивую сладкую девочку,» – горячо шептал в мои губы, когда я закатывала редкие истерики на почве ревности. Затыкал таким поцелуем, после которого воздуха не оставалось в легких...и он вдыхал в меня его снова, возвращал к жизни, был моим кислородом, моей религией.

Эйден был особенным человеком. Не просто умным, но невероятно глубоким, чутким. При всём этом строгим, бескомпромиссным, жестким со всеми, кроме меня, а порой и со мной... Всех, кто пытался спорить с его мнением, когда он был убежден в своей правоте и несомненно оказывался прав. Он давил и ломал беспощадно, подчиняя своей воле и решениям на учебе, работе, в жизни, в отношениях с родственниками, друзьями, со мной. Думаю, умеренная «тирания» в характере – побочный эффект всех сильных мужчин. Лидеры не являлись бы лидерами, если бы не умели грамотно явить миру внутреннего деспота в критический момент. Бесхребетных большой бизнес и власть пережевывают, но это Эйдену не грозило.

Одного взгляда на человека ему хватало, чтобы интуитивно считать все грани его психологического портрета. Программист, писатель и чувственный мужчина, угадывающий все мои тайные женские желания в одном флаконе. Как видите, у него были недостатки, но о них я предпочитаю не вспоминать. Были у нас и ссоры до оборванных волос и бьющейся посуды, параноидальная ревность с его стороны, бурные примирения в пустых аудиториях, куда мы забегали во время большого перерыва. Где он задирает мою короткую юбку в клеточку, отодвигал в сторону полоску влажных трусиков, нагибал над столом преподавателя и одержимо брал, вдалбливался со стонами и хрипами, обещаниями и признаниями, унося меня за пределы седьмого неба.

Когда Дэймон говорил его все слушали с открытыми ртами. Но еще более чувственно он писал, чем говорил. Но, как я уже заметила, то было лишь его увлечением. Программирование стало его настоящей страстью, как он сам утверждал, первой, после меня.

И это так странно, что мне снился сон, где я стала успешной журналисткой, как я поняла, а он – настоящим королем в IT сфере.

Я бы осталась жить в том сне, – гулко стуча, мое сердце с горечью признает эту страшную правду.

После его смерти у меня не получается писать. Пропал весь запал, эмоции, я погрязла в рутине, в бесконечной борьбе за выживание. Если писатель живет скучной жизнью и не развивается, рано или поздно он перестает писать – так считал Эйдан, и увы, я вынуждена с ним согласиться.

Пытаясь сильно не загружаться на тему того, как отзеркалило мое подсознание прошлое, проявившись во сне, я сажусь за свой новый роман прямо на полу ванны, в который пишу по страничке в месяц. И скажу я вам честно, мои пальцы давно не «летали» по клавиатуре с такой скоростью, как сейчас. У меня получается действительно яркое начало, и я не замечаю, как бежит время, а слова будто сами выстраиваются в красивые предложения, как при редактуре, залетают в мозг яркими картинками, а читаются, словно песня, где нет ни одной фальшивой ноты. Я пишу искренне, проживаю каждую строчку, я живу своим текстом сейчас, я плачу и улыбаюсь, описывая эмоции своей героини, которую веду за собой по первым страницам романа...и за это фееричное, сладкое ощущение авторского кайфа, я готова продать душу дьяволу. Даже Дьяволу из своего сна.

Мне нужно снова увидеть этот сон, его продолжение. Мне необходимо вдохновение, я просто обязана написать хороший, качественный, эмоциональный роман. Настоящий! И это невозможно, когда вечер у тебя проходит в компании чипсов и пива...кто будет это читать? Кому это интересно?

В голову приходит жуткая, парализующая меня мысль. А что если...?

К тому моменту, когда внезапным потоком нахлынувшее вдохновение покидает меня, я наспех принимаю душ и выхожу из ванной комнаты. Лиам уже лежит на своей половине постели. Закусываю губы, замечая его равнодушный взгляд, устремленный на меня, связанный с его усталостью и употреблением пива. Моментально, в голову приходит не лучшая идея. Но прежде, чем идти на «грех», даже во сне, мне стоит попытаться сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти свои «настоящие» отношения. У нас же была нотка страсти в первое время, я получала удовольствие, занимаясь любовью с ним. Звучит не так красочно, как всего одна встреча с «большим боссом», но блин...он мой муж, отец моих детей. Может, нам еще не поздно начать все сначала? И зажить как-то по-другому? Изменить абсолютно все, от накала страстей в наших

сексуальных отношениях до финансового положения?

Брови Лиамы сдвигаются к переносице, когда я медленно поведя плечом, сбрасываю с себя махровый халат и остаюсь в одних трусиках и футболке, пытаюсь чувствовать себя раскрепощённой, уверенной, желанной. Я знаю, какая тигрица живет внутри меня, и на что она способна, когда по-настоящему хочет мужчину, и готова воззвать к ней прямо сейчас. Снимаю футболку через голову, и не отрывая от мужа зазывного и соблазнительного взгляда, сжимаю свою налитую грудь в ладонях, нервно выдыхая, ощущая, как всю кожу покалывает от удовольствия и настроя на горячий секс, который сохранился у меня после приключений в «Лабиринте». Черт...что я делаю?

– Ария, с тобой все в порядке? – сонным голосом интересуется Лиам, приподнимаясь на локте над подушкой. Он окидывает мое обнаженное, открытое для его горячих действий тело – жаждущее, отзывчивое, созданное для наслаждения...по крайней мере, Эйден всегда так говорил. Мы всегда трахались с ним так, словно мы последние люди, оставшиеся на земле, закинутые на необитаемый остров, где нас никто не видит...где мы можем предаться самым бесстыдным желаниям и страстям, наплевав на то, что скажут или подумают другие. О Боги, больше десяти лет прошло, а только от одних скромных мыслей об этом, к низу моего живота приливает настолько горячая и тяжелая волна, что я едва могу устоять на ногах. Больше десяти лет...слишком мало, чтобы забыть первую любовь, свою одержимость, отражение своей души в твоём мужчине.

Эйден...я люблю тебя и всегда буду любить. Зачем ты напомнил о себе? Зачем «пришел» во сне, ещё и наговорил мне таких вещей, которые в мыслях не перестаяю крутить, пытаюсь разгадать несуществующие тайны? Это был просто сон, просто какие-то слова, я разговаривала не с тобой, со своим собственным подсознанием...пытаюсь убедить и вразумить себя я.

– А что со мной не в порядке? – с легким надменным вызовом заявляю я, глядя в широко распахнутые от удивления глаза Лиамы, и направляюсь к нему кошачьей походкой. Да, может мое тело сейчас не так совершенно, как было во сне, но мне хорошо известно: гораздо важнее то, как я сама себя ощущаю. А ощущаю я себя именно так, как сегодня, в кабинете мистера Мерсера. Я сохранила в себе это чувство, я до сих пор ощущаю на себе его голодный взгляд. Так смотрят на женщину, кого хотят и, которой восхищаются. Откровенно трахая взглядом, раздевая, разбирая на атомы. Потрясающее чувство.

Поэтому я даже не думаю сейчас о неровностях своих бедер, о лишних килограммах, осевших на животе «спасательным кругом». Я прекрасна, черт возьми, и здорова...к тому же, в ближайшее время я намерена заняться собой. Первый шаг уже сделан; начну менять себя изнутри, а тело подстроится под новый образ мыслей.

– Ты что делаешь... – срываю одеяло с Лиама в сторону и окидываю его вожделенным взглядом, посвященным другому мужчине.

– Хочу своего мужа, – мурлыкаю я и мягко забираюсь на него сверху, устраиваюсь на бедрах мужа, приложив ладони к его груди, выпускаю коготки, мягко царапая загорелую кожу Лиама. – Лиам, пожалуйста. Давай, как раньше, – иступлено прошу я, обхватываю его лицо ладонями, начиная плавно вращать бедрами так, чтобы болезненно ноющий клитор, соприкасался с его членом, обтянутым серыми боксерами. Кажется, он тоже заводится, но мне этого мало.

– Тебе плохо? Ты ведешь себя странно, котенок... – выдыхает муж, отвыкшим неловким движением обхватывает мою грудь ладонями, не смотря мне в глаза.

Мне не нужна нежность и мягкость сейчас.

Хочу уверенность, хочу прикоснуться к чему-то сильному, властному, непоколебимому, хочу ощутить сталь живую, раскаленную, характер хочу почувствовать его.

Мне агрессия нужна, твердость...моральная, в первую очередь. В сексе вообще нет места смущению, вялости, посторонним мыслям, которые сейчас наверняка витают в голове Лиама, по глазам вижу. И я не в силах прогнать их...почему? Недостаточно хороша? Обидно и горько, а быть может, мы просто «не те».

– Я веду себя так, как хочу. А хочу я тебя. Чтобы трахнул меня хочу. Как суку последнюю, – чеканю каждое слово с требовательным придыханием. – Я с таксистом флиртовала сегодня. Всю дорогу меня взглядом раздевал. Ревнуешь? – сама не понимаю, какую дурь сейчас несу. Заглядываю в затуманенные алкоголем глаза мужа, хочу увидеть там ярость, но вижу пугающую пустоту. Его желание поскорее уснуть, скинув с себя надоедливую жену.

– Ария, я жутко устал, – ладони Лиама соскальзывают с моей груди и, почти не уделив ей внимания, опускаются на живот и ведут вниз по влажной коже...мне приходится закрыть глаза, для того, чтобы не потерять настрой.

И лучше мужу не знать, чьи ладони я представляю вместо его рук. Я знаю, это ужасно, но я заразилась сегодняшним сном, обезумела...и ничего не могу с собой поделать.

Я хочу...я так хочу чувствовать. Хочу быть живой. Хочу быть женщиной, а не фоновой статуэткой в доме.

Дэймон, Дэймон... – набатом отбивает его имя сердце, и я становлюсь еще более дикой и жаждущей, принимаю решение взять сегодня все в свои руки.

– Черт, кто-то сегодня голодная жена, – наконец, мне удастся довести Лиама до уверенной эрекции, и я рывком снимаю с него боксеры, сжимая в ладони налитой и готовый войти в меня член. – Хочу в тебя, – муж даже начинает проявляет активность и вполне смело переворачивает меня на живот, а затем ставит в коленно-локтевую позу. Входит в меня медленно, его горячая плоть наполняет меня сантиметр за сантиметром...слишком долго, не удержавшись, я насаживаюсь на его член сама и в быстром ритме начинаю подмахивать ему бедрами, которые он просто обхватывает и помогает мне трахать его.

Ничего особенного, к большому сожалению, я не чувствую. Я люблю Лиама, правда. Просто мы так долго не работали над нашими отношениями, что очень трудно вот так просто взять и склеить их; вернуть былую страсть и воспламенить ту искорку, что когда-то была между нами.

– Скажи мне что-нибудь, Лиам. Какая я для тебя? – постанываю я, ощущая, как спираль внизу живота набирает обороты, когда начинаю бесстыдно ласкать свой клитор и закрываю глаза, вспоминая, как Дэймон щипал и ласкал мои соски уверенными движениями грубых ладоней, как я видела отражение нашей страсти в зеркальной глади.

– Ну ты... – кажется, зря я это спросила. – Ты очень красивая, – его тон голоса говорит сам за себя. – Правда, Ария. Ты безумно красивая. Тебе бы только немного похудеть...

– Заткнись и трахни меня по-взрослому, – почти рычу я и, протянув руку назад, прижимаю к себе, царапнув, и, сжав его ягодицу одной рукой. Это немного отрезвляет Лиама и дает ему мощный заряд агрессии, которую он наконец вымещает на мне, как я и хотела.

– Всегда любил твой грязный язык. Давно не слышал от тебя ничего подобного. Поехали, детка, – обхватив мою талию, муж начинает толкаться в меня в быстром ритме, попадая головкой члена в чувствительную точку внутри, что набухает от каждого движения и норовит взорваться ярким оргазмом.

Мне мало ощущений тела, я хочу большего и закрываю глаза...

Представляю его руки, ладони Дэймона, воспоминания и реальность сливаются воедино.

«Нравится, Ария? Ты всегда такая отзывчивая, такая чувственная. Идеальная любовница, идеальная шлюха, идеальная девочка. Я искал тебя в других и не нашел. Ты нужна мне, Ри. Не отпущу, ты все мне расскажешь, где тебя черти носили. И извиняться долго будешь...на коленях стоя, все равно не прощу, но удовольствия получу – море, малышка...» – слышу его чувственный шепот в своей голове, пытаюсь заглушить его своими стонами, но ничего не выходит, он становится громче и ближе, он сводит меня с ума, вознося над землей.

Я будто продолжаю нашу встречу в кабинете, предвкушаю и чувствую, чем она могла бы закончиться. Ощущаю, каким мощным толчком он наполняет мое истекающее для него соками лоно, прижимает к панорамному окну грудью. Как, возможно, те, кто собрался в соседнем небоскребе на заседание или тупой совет директоров, видят то, как одержимо мы трахаемся в его рабочем кабинете, не обращая внимания на внешний мир, не заботясь о том, что нас могут увидеть. Кричу отчаянно, кусаю подушку, сжимаю его член твердый, проникающий в меня с остервенением, до упора, жадно, неистово...словно впервые, после долгой разлуки или в последний раз в жизни. Сильные руки ласкают все мое тело: сжимают грудь, обводят ласково и нежно ореолы сосков, изредка щипая их, терзают ягодицы и спускаются к клитору, чтобы потрогать меня в том ритме, которой необходим мне, чтобы прийти к головокружительной, восхитительной разрядке. Член его сжимаю, когда кончает в меня с горловым и диким рыком прямо в ухо, когда сжимает мою шею до красных отметин, но не лишает дыхания...целует и кусает кожу затылка, побираясь к ушку, чтобы сказать, как я хороша, как красива и желанна, как он хочет меня еще и еще, и, что этот

«быстрый» трах – лишь прелюдия к главному блюду.

Прихожу в себя я уже, когда с Лиамом все заканчивается. Кажется, он сам в шоке от того, что я настолько бурно кончила. Не сомневаюсь, он чувствует себя альфа-самцом, хотя, честно говоря, старался он в полсилы.

Это было быстро. И очень даже хорошо нам обоим. Значит, не так страшно, что я представляла другого? Это ведь не измена?

– Что с тобой случилось? – Лиам закурил прямо в постели, спустя десять минут после тотальной тишины, нарушаемой лишь нашим тяжелым дыханием. – Ты говорила, что я неудачник, что не хочешь меня... – задумчиво тянет он, выпуская свой чертов дым от сигареты прямо в потолок.

– Я так говорила? – удивленно спрашиваю я, не в силах вспомнить тех моментов, когда подобные слова могли вырываться из моих уст. Странно. Он лжет, я бы никогда такого не сказала...вслух.

– Да, Ария. Говорила. Я приставал к тебе не один раз. Ты отказывала мне настолько часто, что я уже и забил на это дело, – усмехается Лиам, расплываясь в плутоватой улыбке.

– Я так не считаю, – шепчу я, положив подбородок на грудь мужа, предварительно поцеловав его. – Ты отец наших детей и самый лучший мужчина на земле. Я люблю тебя, – наверное, искренне произношу я. Я действительно люблю его, просто это «любовь-привычка», «любовь-лекарство» ... другая любовь. Но тоже любовь. Он родной мне человек, и мне очень жаль, если я действительно говорила ему неприятные слова, видимо, в порыве какого-то неконтролируемого гнева, раз сама их не помню.

– Прости, что сказал, тебе нужно похудеть. Мне нравятся твои аппетитные формы, – он нежно поддевает пальцем мой подбородок и приподнимается, чтобы сладко обхватить мои губы своими. Я отвечаю ему, ощущая тепло, разливающееся по венам.

– Я завтра же займусь спортом. Но мне нужна твоя помощь, больше никаких чипсов и сладкого в доме, – мы оба хохочем, словив волну общей близости.

– Только не говори, что станешь травить меня и детей своими чертовым авокадо и шпинатом. А сельдерей? Видеть его не хочу в своем доме!

– Мы все переходим на здоровое и сбалансированное питание. И завязываем с этим, – вырываю сигарету из его рук и тушу о пепельницу. – Ты же знаешь, я ненавижу этот запах. Я не запрещаю тебе курить, но прошу не делать этого здесь. У нас есть балкон, засранец, – ласково прошу я, покрывая поцелуями довольное лицо мужа. Кажется, после секса погода в доме и правда становится лучше. То, что я представляла себе на его месте другого мужчину – такая мелочь. Главное, результат в настоящем, не так ли?

– После твоих слов о том, что я самый лучший, мне придется пойти тебе на встречу, лиса. Завтра же пойду просить прибавки к зарплате. Ты была чертовски хороша сегодня, Ари, – горячо шепчет муж, целуя меня в изгиб шеи.

– Спокойной ночи, милый, – когда он так говорит, мне становится стыдно. Честно говоря, хочется уснуть поскорее, чем я и пытаюсь заняться, отворачиваясь от Лиамы, который погружается в сон за секунду. Он всегда так сильно устает, что начинает храпеть спустя пару мгновений после того, как закрывает глаза. Завидую.

Потому что я не могу уснуть очень долго, глотая беззвучные слезы, которые горячими реками ласкают пылающие от стыда и чувства вины, щеки.

Я сама не знаю, почему плачу, почему даже после минутки теплоты с мужем, эта жизнь кажется мне искусственной подделкой, по сравнению с тем, что было во сне.

Завтра я пойду туда снова. Возьму сверхурочные.

Я не знаю, зачем...наверное, чтобы написать книгу. В память об Эйдене. Я сделаю это ради него, чтобы, наконец, отпустить его душу...

В тот момент я еще не знала, какое роковое решение я принимаю, и насколько сильно оно изменит мою жизнь. То, что я всегда считала своей жизнью...

Глава 2

Задолго до нашей встречи у нас бывали одинаковые сны.

Владимир Набоков. Лолита

Ария

Я снова открываю глаза в другой жизни.

Из произошедшего сегодня в обыденной реальности помню только то, как встала утром с постели и проводила Лиаму на работу. Потом, как и тысячу раз до этого собрала детей в школу, приготовила им яичницу с беконом, разложив овощи и мясо в композицию забавной улыбающейся рожицы. Они всегда съедают все до последней крошки, когда я так делаю, а ведь плотный завтрак – самый важный прием пищи для подрастающего организма. После, когда они побежали одеваться собрала им ланч-боксы, положив в контейнеры курицу и овощи, радуясь тому, что Марианне и Максиму не придется обедать в школьной столовой, где частенько в меню только пицца, картошка фри и прочий фастфуд. И вновь меня накрывает волна любви к детям и постоянная потребность транслировать им свою заботу и поддержку во всех их начинаниях.

Я не ужасная мать. Нет...дети – самое важное, что у меня есть. В детстве я недополучила любви, потому что меня воспитывали бабушка с дедушкой, в характере которых отсутствовали такие черты: проявлять свою любовь, показывать, как я нужна этому миру, говорить мне о том, что я самая лучшая. Со всеми жизненными трудностями я справлялась сама и училась только на собственных ошибках, хоть и было иногда мучительно больно, стоило лишь вспомнить о том, что я одна в этом мире, и у меня нет твердого отцовского плеча, на которое можно положиться, и я навсегда лишена нежности, любви и ласки матери, в объятия которой могла бы окунуться в периоды, когда мне грустно, больно и плохо.

Пребывая в прекрасном настроении и полной уверенности в том, что сегодня – первый день моей новой жизни, где я начну работать над собой и все делать по-другому. Я проводила Мари и Макса до школьного автобуса и немного поработала дома. К слову, деятельность в «Лабиринте» является лишь моей

подработкой. В данный момент, я копирайтер-фрилансер и по-прежнему несостоявшийся писатель, которому отказали в печати все издательства, куда я отправляла свой старый, написанный еще в колледже роман. Напечатав пару заказных статей для сайта роскошных автомобилей, внутри которых мне никогда не оказаться я отправилась в «Лабиринт». Будто на автопилоте зашла в лабораторию и подключилась к системе наблюдения за активностью мозга во время сна с помощью ассистентки Евы и крепко заснула. В прошлый раз Ева сказала, что я находилась в осознанном сне всего пять минут, но это не значит, что прежде, чем погрузиться в ОС(осознанный сон) я не увижу кучу других незапоминающихся и не просплю несколько часов.

Домой я вернуться могу как вечером, так и поздней ночью...

Мысли о доме наводят на меня жуткую тоску, в то время как сна я жду с благовейным трепетом, нетерпеливым предвкушением и страхом...даже с ужасом, от которого кровь на мгновение стынет в жилах. И все же, желание окунуться в настоящую, яркую и интересную жизнь с головой куда сильнее страха. Желание никогда не расставаться с этим сном стало моим наркотиком, настоящим сладким омутом, на дне которого хочется остаться.

Здесь у меня появилось всё: вдохновение, эмоции, мотивация двигаться вперед...жизнь – это движение. А если твое движение происходит только во сне, то как тогда отличить сон от яви?

Я не скоро отвечу на этот вопрос ни самой себе, ни вам...но обязательно отвечу. Для начала я просто хотела подарить себе хоть немного эмоций, благодаря которым и напишу что-то стоящее, за что мне никогда не будет стыдно.

На этот раз я просыпаюсь в кровати, а не валяюсь на полу взлетающего в неизвестность лифта, «и на том спасибо». Как ни крути, хоть какая-то определенность в жизни присутствует, или это я на все стараюсь смотреть позитивно. Я отчетливо помню все детали из прошлого сновидения, не считая событий, которые привели меня к моменту в лифте. Мне неизвестно ничего об этой альтернативной Арии, точнее, Аманде, кем я являюсь во сне. Я, фактически, не имею ни малейшего понятия, кто я, но...знаете, может, это не так важно, когда ты просыпаешься в квартире своей мечты.

Небольшая, но такая уютная студия на первом этаже дома, расположенного в самом дорогостоящем районе Нью-Йорка, на это я обратила внимание, как только открыла глаза и поняла, что мои окна выходят прямо на центральный парк. Из-за ярких, насыщенных зеленой листвой деревьев, даже неба не видно. Я приподнимаюсь на подушках, обнаружив, что сплю на невероятно стильной, круглой кровати, и мой взгляд сразу падает на туалетный столик, который гордо украшают прозрачные вазы с гортензиями пудрового цвета. Встаю с постели и на цыпочках подбегаю к нему, не в силах сдержать улыбку и детский восторг, когда начинаю перебирать и нюхать все ароматы, красиво расставленные на «островке женского счастья». Смотрю на свое отражение в зеркале и не узнаю эту девушку: лицо светится изнутри, сияет здоровьем и интересом к жизни. Заливаясь смехом, я ощущаю себя полной идиоткой, когда моя рука тянется к дорожке кисточке для макияжа Том Форд. Откинув копну лохматых после сна волос, щелкаю себя по носу божественно мягким ворсом, не в силах поверить в то, что это все...мое.

И я этого достойна. Простых материальных мелочей, эстетической красоты, которая меня здесь окружает. Эта маленькая студия пропитана атмосферой женственности, нежности и страсти, в то время, как в нашем хиленьком доме в Бронксе даже прибираться бессмысленно. Честно, я пыталась много раз, но сколько бы старого хлама я ни выкидывала, ничего не помогало.

Мой взгляд находит на туалетном столике бесценную улику, запускающую в моей голове, взрывающий мозг поток теорий и домыслов о том, что этот сон превращается в интригующий триллер, и, возможно, я проснусь окончательно и избавлюсь от осознанного дурмана, только когда разгадаю главную интригу данного блокбастера. К слову, новой зацепкой является роскошное обручальное кольцо, вид которого не ослепляет меня своей красотой, а задает лишь немые вопросы:

Я замужем?

Или это кольцо от моего бывшего?

Может, подруга оставила на туалетном столике?

Черт, так хочется просто поймать миг счастья, а не думать обо всем этом «мусоре» невольно засоряющем счастливую голову.

Кульминацией моего наслаждения становится небольшая гардеробная в стиле Кэрри Бредшоу, и рабочий стол, на котором стоит ноутбук и кипа каких-то бумаг, что кричат мне о том, какая «новая я» – деловая, интересная, увлеченная работой и жизнью личность. В целом, эта небольшая студия, скорее напоминает мне личный офис. Именно о таком я всегда мечтала, когда представляла себя успешной писательницей, романы которой выпускают крупные издательства.

Черт возьми жизнь прекрасна. Первые тридцать минут я просто наслаждаюсь моментом и кручусь перед зеркалом, танцуя под первые попавшиеся песни на радио, любясь своей точеной фигурой, и фотографирую себя со всех ракурсов, не в силах поверить в то, что у меня снова подтянутый плоский живот и округлая попа. Готовлю себе восхитительно-красивый и вкусный завтрак, украшая обычную овсянку голубикой и киви. Вот она, настоящая магия утра под стать моему настроению, даже Нью-Йорк погрузился в розовую дымку, изредка обволакивающую его на рассвете.

Все, о чем я мечтала есть у меня здесь. Судя по всему – любимая работа, достойный заработок, красота и перспективы...

Кроме детей и мужа. Зато здесь есть Эйден... точнее, тут его зовут Дэймон. Человек, который был для меня целым миром вновь постучался в мои двери весьма странным образом, и почему-то меня не покидает чувство, что все это – не случайно. Но тот ли он человек, которого я знала и любила? Да, внешне он его полная копия, но это не значит, что это он, мой лучший друг и мой любимый мужчина.

Наконец, я сажусь за ноутбук и изучаю свои документы: паспорт и водительское удостоверение. Все, до единого оформлены на имя Аманды Мур. Мне предстоит узнать, почему здесь, во сне, у меня не осталась моего настоящего имени. Думаю, все решится само собой, и, просто продолжая плыть по течению сна, я узнаю ответы на все свои вопросы, а заодно буду запоминать все, что со мной происходит, чтобы потом записать не только в дневник сновидений, но и в главы своей новой книги.

В тот самый момент, когда я собираюсь тщательно изучить содержимое своего ноутбука на предмет улик, способных более подробно рассказать мне о том, какой на самом деле личностью я здесь являюсь, мой телефон сотрясается от звонка и вибрации, и, подпрыгнув на стуле от неожиданности и раздражающего слух звука, я тут же беру трубку, успевая прочитать лишь одно имя,

вспыхнувшее на экране – Скарлетт.

– Дорогая, привет. Ну что, поздравляю тебя, день «икс» настал. Надеюсь, ты не забыла? Хотя с таким агентом, как я, ты не имеешь право ничего забывать. Я тебя везде достану, и из писательской депрессии в том числе. Готова явить миру новую Аманду Мур? – для Скарлетт всё, что она говорит явно является беззаботным и радостным лепетом. А вот для меня – огромной проблемой, мать её. Ведь я понятия не имею о чем она толкует и, что с меня требует. Единственное, за что можно зацепиться, так это за слово «агент». Я так понимаю, литературный агент?

И, кстати, Скарлетт...разве не так зовут девушку, ту, что я встретила в лифте «Лабиринта» ещё вчера? Что это, вновь проекция моего подсознания? Хотя, постойте, это нормально. Когда мы спим, наш сон всегда наполняют люди, которых мы знаем, кого уже когда-либо видели, и это научно доказанный, факт.

Неудивительно, что люди из моей реальной жизни появляются во сне, просто здесь они играют другие роли...

С первых нот разговора, создается такое впечатление, что мы в хороших отношениях со Скарлетт. Возможно, даже в дружеских. Что ж, остается проверить свою интуицию. Так странно, конечно...почти ничего о себе не зная и разрываясь между собой настоящей и игрой в ту, за кого меня здесь принимают. С другой точки зрения, а как же правило «мой осознанный сон – мои правила»? Я не чувствую, что могу как-то глобально влиять на события, происходящие со мной в этой таинственной альтернативной реальности. И это ещё одна загадка, которая наталкивает меня на мысли в сторону того, что все происходящее – никакой, на хрен, не сон. Как тут не сойти с ума?

– Привет, Скар, – поддерживаю теплую атмосферу разговора я, расплываясь в улыбке. – Прости, я только встала и не понимаю, о каком дне «икс» речь ... – извиняющимся тоном заявляю я, на что Скарлетт отвечает мне тяжелым вздохом, который помогает ей не сорваться на свою подругу и подопечную в одном лице.

– Детка, я понимаю, как тебе сложно. Ты хочешь всё бросить, сделать откат, боишься рисковать. Но мы же не раз говорили обо всех твоих страхах и пришли к выводу, что тебе нечего бояться. Признаться, я и сама была против твоей затеи

опубликовать научную фантастику. Но ты ведь так давно мечтала написать что-то сильное, невероятное, достойное экранизации. Голливуд перенасыщен сценариями в духе твоих старых творений, и одного моего знакомого режиссёра уже впечатлил синопсис твоей новой книги. Осталось только явить её свету. Аманда Мур – автор современных любовных романов, а ты замахнулась на другой жанр, рассчитанный на совершенно иную аудиторию. Но я верю в тебя, Мэнди. Верю. Верю, что мы не зря не стали менять псевдоним для твоего «взрослого» романа. Верю, что половине твоих читателей придется по вкусу более сложный сюжет, чем очередной роман про босса и секретаршу. Садовника и жену богатого мафиози. Что там у тебя ещё было? Ах да, эскортница и владелец игорного бизнеса. Все это принесло тебе деньги и славу, но ты была права, когда сказала, что выросла, а твои читатели – вместе с тобой. Ты сама убедила меня в том, что рынок переполнен одинаковыми романами, и, чтобы удержаться на волне, нужно повышать ставки, идти ва-банк, как говорится. И я пошла на этот риск, вместе с тобой...потому что верю, что даже из неформата ты сделаешь горячую конфетку. И сегодня я планировала эту «конфетку» съесть и отправить её редактору, составить чек-листы по пиару. И чего я тебе рассказываю? Ты все это знаешь лучше меня...жду не дождусь, когда смогу прочитать «Insomnia», – без усталости тараторит Скарлет, а я едва успеваю перерабатывать поступающую в мозг информацию.

– Мой роман...что? – нервно хватаюсь за пресс-карту с которой вчера оказалась в лифте. Пресс-карта журналиста «Форбс». Ничего не понимаю. Я журналист или писательница? – Я думала ты говоришь об интервью, которое я взяла вчера...

– Дорогая, очнись. Ты в порядке? Ты весь вечер вчера не отвечала, я подумала, что работаешь над романом и беспокоить не стала. О каком интервью ты мне говоришь? Интервью будут брать у тебя, когда «Insomnia», которую я ещё и в руках не держала взорвет умы твоих читателей!

В горле становится так сухо, что я с трудом могу продолжать диалог.

– Ты растерянная какая-то, все в порядке? Почему молчишь? – продолжает нападать Скарлетт, после нескольких минут моего шокового молчания.

– Да, спасибо. Пытаюсь найти роман на компьютере и нигде не могу... – обескуражено протягиваю я, безжалостно открывая все папки на жестком диске, но среди них нет «Insomnia». Есть нескольких секретных файлов, для открытия которых, нужно ввести пароль. Разумеется, его я не помню. И романов десять с

довольно неприхотливыми названиями: «Твоя провокация», «В плену мафиози», «Плохая девочка» и тому подобные. Жесть...сколько же романов я написала в своем подсознании. В реальности с вдохновением куда труднее.

- Что? Дорогая, тебе лучше знать, где ты хранишь свой роман, и я советую тебе найти его поскорее, потому что мое терпение заканчивается. Издательство заплатило нам огромный аванс, более того, половину мы уже потратили на обложку и пиарщиков, с которым контракты нужно заключать заранее.

- Эм...я точно хранила его на компьютере? - задаю глупый вопрос, закусив внутреннюю сторону щеки. Нервы ни к черту.

- Ты у меня спрашиваешь? Включайся в работу, Ария. У меня создается впечатление, что ты издеваешься надо мной сегодня. Или шутишь. Да только мне не до шуток...весело тебе, а меня издательство с которым у тебя, между прочим, масштабный контракт «нагнет» по полной. Давай, даю тебе еще день на вычитку и жду работу на почте. Если тебе нужно время, чтобы отшлифовать свое пока еще неизданное «дитя», могла бы просто попросить меня о нём, а не ломать комедию. Юмористка, - фыркает Скарлетт, после чего резко бросает трубку, оставив меня наедине с короткими гудками в телефоне и пустым, бесполезным компьютером.

Должна ли я решать эту проблему, если это всего лишь сон? Что-то мне подсказывает, что да. И движет мной не только любопытство, зарождающееся во мне при мысли о написанном романе. Признаться, к нему добавляется львиная доля тщеславия черт возьми, конечно, хотя бы во сне я хочу испытать эти нереальные эмоции...когда твоя книга гремит на весь мир, когда ею интересуется сам Голливуд и считает её достойной экранизации. Это моя мечта, самая заветная, самая тайная. Та, что никому не рассказывается, скрывается от посторонних глаз и ушей, и с любовью оберегается сердцем.

Безусловно, я хочу сдать свой роман, текст которого выдало мое подсознание, и словить весь этот нереальный кайф от общения с читателями и получением обратной связи от них. В реальной жизни у меня такого никогда не было. На интернет-площадках мои старые работы и короткие рассказы явно застряли во вкладке «романы-невидимки», а не «бестселлеры».

Вы бы смогли отказаться от исполнения заветной мечты, пусть и во сне? Я даже думать не стану. И найду свою работу любой ценой, черт подери!

Провожу ещё полчаса в поисках романа и каких-нибудь фотографий или заметок, которые могут быть связаны с моей «второй» жизнью. Черт...иногда, я совершенно забываю, что это не жизнь, а сон и раз я понимаю, что все, что окружает меня здесь лишь проекция моего подсознания, то я действительно могу управлять всем в этом месте. Но почему-то здесь сказочные чудеса, о которых писали в статьях об «ОС» не работают. Я даже трачу целых пять минут, усиленно пялясь на стакан с водой, и пытаюсь сдвинуть его с места силой мысли. А потом подбегаю к окну и ощущаю, как вздуваются вены от напряжения, пытаюсь мысленно уменьшить небоскрёбы в центральном парке Нью-Йорка или сделать так, чтобы небо превратилось в отражение города и опустилось на реальный НЙ, как это было с Парижем в фильме «Начало».

Ощущаю себя полной дурой...ничего не выходит, и я, наконец, осознаю, что в этом сне мне неподвластны законы физики и не даны сверхспособности.

Этот сон ничем не отличается от жизни, и мне приходится постоянно напоминать себе...что это не так.

Даже страшно становится от мысли, что однажды я просто не проснусь, останусь здесь навсегда и больше никогда не увижу уставшее лицо мужа и любимые улыбки детей, которые, несомненно, останутся моим главным якорем и напоминанием о том, что мне нельзя заиграться в эту игру и остаться заложницей снов навсегда.

Я погружусь сюда еще пару-тройку раз исключительно в творческих целях...и обещаю, что завяжу с этим.

Но на самом деле, цель моего пребывания в осознанном сне намного сильнее, глубже.

Это то, о чем я не могу перестать думать. То, что рвет сердце в клочья от тоски и невероятной возможности, что мне выпала...еще раз поговорить, обнять, объясниться с человеком, который уже мертв.

С человеком, кого любила, люблю и буду любить...всегда. Некоторых людей нельзя вырезать из сердца, выкинуть из памяти...Эйден являлся огромной частью меня, и я так хочу вновь ощутить все то, что было нашей сказкой, нашим сном и мечтой наяву.

Невыносимая тоска, желание упасть в его объятия владеет каждой клеточкой внутри, и мне не терпится встретиться с Эйденом...ладно, буду тут называть его Дэймоном. Боже, разве я могу не искать с ним встречи?

Вам выпадает шанс вновь обнять, поцеловать, прижаться, пообщаться с родным человеком, которого вы любили больше жизни и потеряли навсегда? Вы бы отказались от такой возможности? Я хочу к нему, безумно хочу. Еще хотя бы раз увидеть, хоть бы раз прикоснуться...к моему гениальному Призраку. К моей фантазией, к моей мечте, покинувшей наш бранный мир слишком рано.

Оказавшись в горячей ванной с морской солью, я полностью расслабляюсь, откидывая шею и голову на мягкий бортик, прикрывая глаза от удовольствия и наслаждения прекрасным моментом одиночества. Думаю, мамы меня поймут. Иногда час наедине с собой – это что-то из области фантастики, бесценный дар Богов, где ты используешь каждую секунду «священной» тишины для восстановления своих сил. Но, к сожалению, мой кайф длится недолго и прерывается довольно сильным звуком проворачивающегося в замке ключа, испугавшись которого я чуть было не ныряю под воду. Полностью выхожу из ванной, замечая, как кожа мгновенно покрывается мурашками, тело бьет ледяной озноб, а в ушах звенит ток крови, разгоняемой до предела внутривенным ужасом.

Все дыхание схватывает, когда я начинаю отчетливо слышать тяжелые шаги, которые без всяких сомнений принадлежат мужчине.

Он вошел в мой дом, как хозяин, судя по тому, что у него есть ключи.

Черт, в этом сне хотя бы час может пройти без стресса и нервного напряжения? Каждый волосок на моей коже встает дыбом, прижимаю к пылающим щекам влажные ладони, стараясь уgomонить нарастающую в душе волну паники. Кто ждет меня там, за дверью ванной?

Лихорадочно оглядываюсь в поисках предмета, который в случае нападения может служить мне хорошей защитой. Хм, пилочка для ногтей или ножницы? В итоге остановив свой выбор на лаке для волос, хватаю его с полки и, вооружившись «смертельным оружием», смело выхожу из комнаты. Судорожно сглатываю вставший поперек горла ком, когда понимаю, что мужчина обладает довольно крупным телосложением и действую инстинктивно, не думая, слепо поддавшись страху. Нажимаю на помпу лака, в ту самую минуту, когда незнакомец поворачивается ко мне лицом и смело заряжаю ему нехилое количество паров гадкой химии прямо в рот и глаза. Пространство моей милой и уютной студии наполняют грязные грубые ругательства, что вырываются из уст мужчины, которому приходится закрыть лицо массивными ладонями. Опомившись, я заканчиваю химическую атаку и пячусь назад, словно это поможет мне спрятаться от непрошенного гостя. Черт, а вдруг я сделала только хуже?

– Какого черта, Аманда?! Ты ненормальная! Мать твою, как ты встречаешь своего мужа? – рявкает незнакомец, шипя от боли сквозь зубы. Не переставая тереть глаза, он надвигается прямо на меня, окончательно загоняя в угол. Единственное что мне остается сделать – это воинственно выставить вперед лак для волос, обхватив его ладонью, как пистолет. Я явно переоцениваю оборонительные качества этого средства.

Так. Стойте. Что он сказал? Как я встречаю своего мужа?!

Наконец, он убирает ладони от лица, расправляет плечи и бросает на меня яростный взгляд. Цвет радужки его глаз едва уловим сейчас, белки налиты кровью и представляют собой сеточку воспаленных и порванных сосудов, что придают мужчине устрашающий вид.

Он действительно выглядит...эм, как мой муж. Как Лиам. Намного более стильный, подкаченный, усовершенствованный Лиам, которого я бы не отказалась видеть в реальности. Аккуратно подстриженная щетина выдает в нем человека, кто может позволить себе личного барбера раз в неделю, быть может и чаще. Дорогой костюм, плотно облегающий хорошо сложенную фигуру, тоже тонко намекает мне на то, что в этом осознанном сне у нас с Лиамом не всё так плохо.

Ухоженный, статный, уверенный в себе. Мужчина из «высшей лиги». Через моё субъективное восприятие, Лиам уступает Дэймону, но я уверена, что каждая

свободная женщина, проходя мимо него или оказываясь в одном пространстве с Лиамом, лезет из кожи вон или мечтает, чтобы он обратил на неё внимание.

Но этот «подарочек» судя по знакомому обручальному кольцу, что является мужской копией того самого, с туалетного столика – только мой.

Радоваться или плакать, даже не знаю. Я рассчитывала на то, что эти сны – мой укромный уголок в подсознании, который я создала для горячих свиданий с Дэймоном...

– Лиам, – просто выдыхаю я, и, реагируя на мои слова мгновенно, муж сдвигает брови к переносице и сжимает и без того тонкие губы так, что они фактически исчезают с его лица. – Что ты здесь делаешь? – задаю вполне закономерный вопрос я, ощущая как голову простреливает острая, яркая, но кратковременная вспышка боли.

Я до сих пор не понимаю, как такое возможно, и почему в моем осознанном сне фигурируют вполне реальные люди...с каждой секундой я все больше и больше погружаюсь в этот альтернативный мир, что затягивает меня в свою бездну сокрушительной воронкой, и её уже невозможно остановить.

Полное погружение в собственное безумие, в иллюзию, которая каждый раз обретает все более реальные черты. Все равно что написать книгу, прожить с героями каждое чувство и эмоцию, чтобы остаться в ней навсегда, хотя, разумеется, данная аналогия это всего лишь гипербола и фантастическая версия развития событий.

– Как, что я здесь делаю, Мэнди? – лицо мужа искажает подозрительный и удивлённый прищур. – Это я должен задать тебе несколько вопросов после твоей вчерашней выходки. Во-первых, ты не ночевала дома, – вкрадчивым шепотом начинает отчитывать Лиам.

– Я думала, что живу одна...а, оказывается, у меня есть муж, – обескуражено лепечу я, все ещё не в силах поверить, что помимо моей первой любви, здесь присутствует и усовершенствованная внешне версия Лиамы. Какой еще сюрприз готовят мне сны и лабиринты подсознания?

– Ты хорошо себя чувствуешь, малыш? Я всё понимаю, ты творческий человек и ушла на завершение романа, но давай ты не будешь забывать обо мне, о реальности, и в конце концов о Марианне с Максом, – хлестким тоном выговаривает мне Лиам, приближаясь запредельно близко к моему оцепеневшему от очередного потрясения, телу.

Марианна и Макс. Здесь они тоже есть...и, наверняка, растут куда более счастливыми. Сердце обливает горячая волна любви от мыслей о детях и о том, что мое подсознание их не забыло.

– Прости, я и правда...вчера засиделась. Ты же знаешь, что в офисе наедине с собой моя работа идет куда продуктивнее, – произношу скорее то, что Лиам хочет от меня услышать. Так сказать, соответствую образу Аманды.

– Конечно, знаю. Поэтому и не стал беспокоить вечером или ночью, когда на тебя снисходят потоки вдохновения, как ты говоришь, – ухмыльнувшись, Лиам собственническим жестом захватывает мою талию. В реальности я не чувствую в нем этого «горячего альфу», но это...mmm, приятно. Возможно, этот осознанный сон дан мне для того, чтобы я перестала жить прошлым и начала что-то менять в настоящем? Может, этот Лиам – версия того мужчины, которым он может стать? Как знать. Но сердцу не прикажешь. Я полюбила Эйдена задолго до встречи с Лиамом. И, если бы он был жив, я никогда бы не позволила другому прикоснуться к себе.

– А теперь скажи мне, Мэнди. Что ты вчера устроила? Почему я узнаю от начальника службы безопасности то, что ты была замечена рядом с главным входом в здание, где находится главный офис «IT MAZE»? Что это за шутка, Аманда? Приревновала меня без причины и решила бросить ответку, подракончить вздумала? Ещё и таким подлым способом, – Лиам аккуратно сжимает мой подбородок, заглядывая прямо в глаза. От того, что его белки до сих пор красные я чувствую себя, мягко говоря, некомфортно. Жуткий до дрожи. – Аманда, скажи мне. Ты до сих пор не можешь определиться, какой из братьев тебе нужен? – почему подсознание соединило двух моих любовников родственными узами – вопрос отдельный. – Кажется, ты приняла это решение шесть лет назад, и оно было в мою пользу. Вопреки тщеславию и ожиданиям Дэймона, на этот раз победил я. Его бесценный трофей достался мне, только мне, – добавляет чувственным шепотом Лиам, пока я жадно внимаю каждое его слово, стараясь не упустить ни одной детали, рассказывающей о том, что все-таки произошло здесь в прошлом. – Мои люди сказали, что ты притворилась

журналисткой, ради того, чтобы встретиться с ним. Спустя шесть лет, Аманда. Это правда? – обманчиво ласковым тоном интересуется Лиам.

– Я...я...Лиам, остынь. У тебя нет поводов для ревности. Правда, – ровным голосом убеждаю я, стараясь не вспоминать о том, как вчера Дэймон жадно сминал в ладонях мою грудь, щипал соски, мгновенно превратившиеся в твердые узелки под воздействием его ласк. Вчера это было классно. А сегодня – выходит, я гуляющая жена. Или во сне все равно не считается?

– Нет поводов? Ты смеешься?! – едва ли не срывается на крик Лиам, заставляя меня вздрогнуть и до боли зажмурить веки. – Черт, не забывай, что у меня предвыборная гонка. Журналисты следуют за мною по пятам и копают под всех нас. У моих конкурентов везде глаза и уши, Мэнди! Им только дай повод, и они быстро накачают пару статей о том, какая у меня развязная жена, а я – тупой идиот, не способный удержать в руках любимую женщину. И обязательно добавят, что не смогу сберечь и штат. Идеальная репутация пострадает, рейтинги упадут. Прощай должность губернатора. Сейчас любая мелочь, всплывающая из прошлого может сыграть против меня. Как ты не понимаешь?! Ума не приложу, ты этого добиваешься? Хочешь стать женой неудачника, прославшего главную гонку в жизни? Что за, мать твою, нож в спину именно сейчас, когда мне так нужна твоя поддержка, Мэнди? Решила поностальгировать? Навестить старого «друга»?

– Лиам, подожди. Успокойся...

– Хочешь сказать, ты не ходила к нему? – рявкает муж, испепеляя меня и без того красными глазами.

– Ходила. Да, ходила. Не знаю, что на меня нашло... – с трудом сглатываю, пытаюсь подавить ком, застрявший поперек горла и придумать здоровое оправдание в этой ситуации. – Вчера я была не в себе, всё навалилось...видимо, я реально приревновала тебя за тот случай, – на ходу придумываю я, понятия не имея о каком «том случае» идет речь. Но, надеюсь, у Лиамы тоже «рыльце в пушку» и я не несу полную ерунду. – И поступила глупо. Я не виделась с Дэймоном, правда. Я действительно достала пресс-карту журналиста, зашла внутрь здания, выпила кофе на последнем этаже и всё. Я не общалась с ним, – никогда так виртуозно и легко не врала в реальности.

– Я уже не уверен в том, что могу верить тебе, Аманда. Не заставляй меня вешать на тебя маячки и нанимать профессиональных шпионов. Ты из меня идиота делаешь. Но у тебя есть шанс заполучить мое прощение и благосклонность, – более игривым тоном заявляет Лиам, мягко проводя кончиками пальцев по моему виску. Как ни странно, несмотря на то, что муж источает вибрации обиды и ярости, я чувствую, насколько дорога ему, насколько сильна его привязанность. Особенно на контрасте с его «диванной версией». Его губы в двух сантиметрах от моих, но я испытываю странное желание вжать голову в стену и раствориться в ней, немедленно, чтобы избежать близости с мужем.

– Что ты имеешь в виду? – игриво веду плечом, замечая с каким голодным интересом Лиам окидывает обнаженный участок кожи, с которого мгновенно слетает тонкий халат. – Я не сделала ничего плохого, чтобы что-либо заслуживать, – провожу ладонью по его щетине, прикрывая этим жестом свое нежелание сливаться с Лиамом в законном поцелуе.

Прости, парень, в осознанном сне у меня другие цели. Может быть, это звучит жестоко. Но сейчас меня тянет к другому мужчине, которого всегда выбирало мое сердце и душа. Но по каким-то причинам я изменила ему и остановила выбор на Лиаме. И что-то мне подсказывает... что это была не я. Если такое, вообще, возможно.

– Лиам, мне нужно работать. Пришли за мной водителя вечером, сегодня я обязательно буду ночевать дома. Роман закончен, осталось немного подкорректировать, – точнее, найти самую важную рукопись в своей жизни.

– Динамишь меня, котенок? Я думал мы развлечемся, пока у меня «окно» между встречами. С каких пор ты такая холодная? – ладони Лиамы вновь сжимают мою талию, а губы в игривом порыве находят шею.

– С тех пор, как у меня начали поджимать все сроки. Ничего не успеваю, – мягко отталкиваю Лиаму в грудь, пытаюсь создать дистанцию. – Не сейчас...

– У меня времени не больше, поверь. И давай договоримся, Аманда. Я твой муж, и я не хочу, чтобы ты позорила мое имя, саму себя и наших детей общением с моим братом. Ненавижу этого ублюдка за комплекс Бога. Мои инсайдеры говорят, что он собирается доставить мне немало проблем на выборах, и

поэтому я вынужден идти на кардинальные меры.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты знаешь, Мэнди, - Лиам вскидывает на меня тяжелый взгляд, хранящий в себе еще одну тайну, которую я не помню. - Я возобновлю дело шестилетней давности. Его ждет тюрьма за то, что он сделал. Ещё чуть-чуть, и он бы убил меня. Разбитое сердце ублюдка и наша с тобой «шалость» на вашей свадьбе не оправдание. Тогда, я был вынужден замять дело из-за уважения к отцу, но теперь, когда его больше нет, мои руки развязаны, да и сам брат дает повод...лучшая защита - нападение. Его многомиллионная империя скоро превратится в труху. А смокинг от «Китон» придется заменить оранжевым комбинезоном. И, разумеется, ты, как единственный свидетель выступишь в мою пользу. Все материалы дела у меня сохранены.

- Я не понимаю, ты хочешь, чтобы я отправила человека за решетку? - понятия не имею, как я должна давать показания, если я ничего не помню. Со слов Лиама и Дэймона у меня обрисовывается следующая картина: я изменила Дэйму с Лиамом в день свадьбы, а он избил его до полусмерти...ох, будто любой не поступил бы так же на его месте. Возможно, это не оправдание, но...тем не менее, я не смогу дать показания в данном положении.

- Срок будет не пожизненным. Немного исправительных работ этому психу, считающего себя гением, не повредит. Легким щелчком своих пальчиков ты отправишь его в тюрьму и сделаешь одолжение не только мне, но и всей стране, Аманда. Мой брат - очень опасный человек.

- Это тебе сказали твои инсайдеры?

- Ага. И рассказали мне о проекте, который он готовит.

- Что за проект?

- Хм...создать некую программу. Он представит её как нечто подобное виртуальной реальности. Якобы погружение в симуляцию. Подробности неизвестны. Но на самом деле эта штука будет нацелена на зомбирование подрастающего поколения и извлечение секретной и политической информации из людей, приближенных к власти.

– Seriously? Что-то из области фантастики...такое возможно?

– Человеческий мозг не изучен на сто процентов, Мэнди, с подсознанием возможно невозможное. В любом случае, игры с человеческим разумом очень опасны, Аманда. Только безумец способен выдумать подобную хрень. Безумец, жаждущий подмять под себя не только простых людей, а в первую очередь тех, кто пишет историю.

– Зачем создателю IT-империи, крупному бизнесмену вмешиваться в политику? Не проще было бы идти тогда твоей дорогой и стремиться стать губернатором, ну или, президентом? – с нервной усмешкой, пытаю Лиам я.

– Не глупи, Мэнди. Есть психи, которые хотят быть Богами, при этом оставаясь в тени. Идея фикс, пунктик у них такой. Я отлично знаю своего брата. Понимаешь, о чем я?

– Мы не в «Игре престолов», Лиам. Может, у тебя просто паранойя, и тебе кажется, что все хотят прижать зад к твоему «железному трону»?

– Дурочка. Обожаю твои фантазии. И аллегории. Вот что значит быть мужем писательницы, – мягко щелкая меня по носу, сводит все к шутке Лиам. – При любом раскладе, что бы Дэймон ни задумал, я этого не допущу. Он хочет войны? Он её получит. И мне нужно, чтобы ты была рядом, поддерживала меня. И, желательно, подавала патроны, пока я веду информационную борьбу с братом и остальными.

– Лиам, я не знаю...посадить в тюрьму человека...

– Я рассчитывал на твое безоговорочное «да», Мэнди. А ты говоришь таким тоном, словно тебя подменили. Будто все эти годы тебе было дело до этого ублюдка. Может, я что-то не знаю, а? Он мог убить меня!

– Лиам, а разве ты бы поступил иначе, если бы увидел, как я...кхм...изменила тебе с братом? В день нашей свадьбы?

– Мне плевать, при каких обстоятельствах произошла его вспышка безумия. Мне важно найти причину. И убрать его с дороги. Ясно, котенок? – нетерпящим

возражений тоном выдает Лиам.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

С англ. Maze – лабиринт.

Купить: https://tellnovel.me/ru/meyer_lana/pogruzhenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)